

А.И. КУЗЬМИН

ВОЕННАЯ ГЕРОИКА

В РУССКОМ
НАРОДНО - ПОЭТИЧЕСКОМ
ШВОРЧЕСТВЕ

А.И. КУЗЬМИН

**ВОЕННАЯ
ГЕРОИКА
В РУССКОМ
НАРОДНО -
ПОЭТИЧЕСКОМ
ШВОРЧЕСТВЕ**

Пособие для учителя

ББК 74.261.8

К89

Рецензенты пособия: доктор филологических наук В. М. Годак;
кандидат исторических наук А. И. Рогов.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Героическая тема в русском былевом эпосе	5
Героическое прошлое русского народа в истори- ческих песнях	30
Солдатские песни	67
Военная героика в пословицах и поговорках	87
Заключение	92

Кузьмин А. И.

К89 Военная героика в русском народно-поэтическом твор-
честве: Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1981. —
96 с.

Данное пособие посвящено интересной, но малоизученной теме герического в русском народно-поэтическом творчестве. Военно-патриотическая тема раскрыта автором на материале былин, исторических песен, солдатских песен, пословиц и поговорок. Особое внимание уделяется освободительной борьбе русского народа, что поможет учителю в воспитании учащихся в духе патриотизма.

К 60501—477 98—81 4306010300
103(03)—81

ББК 74.261.8
8Р

© Издательство «Просвещение», 1981 г.

ОТ АВТОРА

Одной из важнейших целей преподавания литературы в школе является идеально-политическое, интернациональное и патриотическое воспитание учащихся. «Советский человек — это добросовестный труженик, — говорил на XXVI съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — человек высокой политической культуры, патриот и интернационалист. Он воспитан партией, героической историей страны, всем нашим строем. Он живет полнокровной жизнью созидателя нового мира.»¹

Любовь к родной земле составляет основу русского народно-поэтического творчества.

«Проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанный с корнями прошлой истории нашего народа... Ведь советский патриотизм является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа... Советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса; он питывает в себя все лучшее, созданное народом, и считает величайшей честью беречь все его достижения», — писал М. И. Калинин².

Народ воспевал в поэтических произведениях чаще всего войны освободительные и осуждал войны захватнические, грабительские.

¹ Правда, 1981, 24 февраля.

² Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и обучении. М.—Л., 1948, с. 63—64.

На протяжении многих веков фольклор воспитывал чувство любви к родине, сознание ответственности за ее судьбу, сплачивал народ перед лицом опасности, учил героизму.

Героизм — это мужество, стойкость, бесстрашие, готовность к самопожертвованию, проявляемые народами, классами и отдельными личностями в их борьбе за свободу, за прогрессивное развитие общества. Идеалы героического создавались постепенно, на протяжении всей истории человечества. Понятие героического неизбежно связано с изображением выдающихся по своей общественной значимости деятелей, соответствующих интересам народа¹. Формы проявления героизма многообразны.

Величайший памятник древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве» самым тесным образом связан с народной поэзией. Глава пособия «Героическая тема в русском былевом эпосе» в значительной степени подчинена раскрытию этой связи.

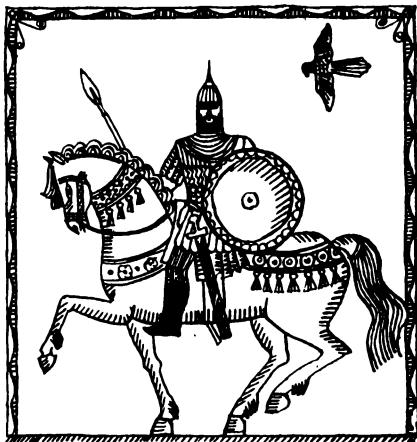
Глава «Героическое прошлое русского народа в исторических песнях» содержит материал, который учитель может использовать при подготовке уроков в V—VII, IX—X классах. Так, для учащихся станут более наглядными историческая эпоха и образ вождя крестьянского восстания Емельяна Пугачева, если при изучении повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» будут привлечены исторические песни о Степане Разине и Емельяне Пугачеве. В них показана преемственная связь между этими восстаниями. Пугачевское восстание изображено как народная война. Исторические песни о Северной войне, об Отечественной войне 1812 года иллюстрируют героический подвиг русского народа, воспетый А. С. Пушкиным в поэме «Полтава», М. Ю. Лермонтовым в стихотворениях «Бородино», «Два великаны». В исторических песнях создана целая галерея художественных образов героев — русских воинов, верных своему долгу, стойких перед лицом опасности, одержавших над врагом нравственную победу. Песни позволяют учащимся глубже понять патриотизм русского народа, оценить художественные достоинства образов полководцев и главных героев романов Л. Н. Толстого «Война и мир» и А. Н. Толстого «Петр I».

При анализе рассказа Л. Н. Толстого «После бала» учителю следует обратиться к главе «Солдатские песни», в которой рассказывается о тяжелой доле солдат в царской армии.

Глава «Военная героика в пословицах и поговорках» может быть полезна при изучении поэмы А. Г. Твардовского «Василий Теркин».

Автор коснулся лишь некоторых проблем, освещенных в книге; он надеется, что литературоведческий материал, представленный в пособии, поможет учителю в самообразовании по этой теме и облегчит его подготовку к урокам.

¹ См.: О героическом в литературе.— В кн.: Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. М., 1974.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ТЕМА В РУССКОМ БЫЛЕВОМ ЭПОСЕ

К концу X века Киевская Русь была единственным могучим государством. Она объединяла почти все восточнославянские племена. Во главе ее стоял опирающийся на дружину князь. Большим влиянием в государстве пользовалось духовенство.

Подавляющее большинство народа жило в деревнях и селах. Сельское население Киевской Руси состояло из относительно свободных крестьян-общинников и крестьян, попавших в феодальную зависимость. Русь славилась своими продуктами сельского хозяйства: пшеницей, кожами, пенькой. В городах жили главным образом ремесленники. В Киеве насчитывалось свыше шестидесяти ремесленных профессий. Немецкий ученый монах Теофил в своем трактате «О различных ремеслах» поставил тогдашнюю Русь по развитости мастерства и ремесел сразу после Византии, и уже за ней следуют у него арабы, итальянцы, французы, немцы.

С Киевской Руси начинается история нашей страны. Защита ее от нападения врагов была заслугой интересов всего русского народа.

В конце XI века начались феодальные междоусобные войны, и ослабленная, лишенная единства Киевская Русь стала добычей иноземцев. В 1240 году Киев был захвачен монголо-татарами ордами Батыя.

Героические былины описывают события преимущественно XI—XII веков. «Былины, как жанр, возникают очевидно, одно-

временно с русской феодальной государственностью», — пишет академик Б. А. Рыбаков¹. Время действия героев былин в литературе принято называть героической эпохой, когда молодому Русскому государству, в пору его организации, пришлось вести тяжелую и кровопролитную борьбу за свое существование.

Былины выросли из древних песен и легендарно-сказочных повествований. История своеобразно сочетается в них с поэтическим вымыслом, реальность с фантастикой. Величественность образов, пафос и монументальность былин способствовали их популярности в широких слоях народа. Главное в этих произведениях — рассказ о героических подвигах: один или несколько богатырей, самоотверженно преданных родине, беззаветно храбрых и благородных, сражаются за родную землю и спасают ее от порабощения. Война изображается здесь не как столкновение войск, а как поединки отдельных героев.

Долгое время былины сохранялись в устной передаче, поэтому не дошли до нас в первозданном виде: время их записи отделено от времени их сложения столетиями, поэтому в былинах нередки анахронизмы, контаминации² событий.

Существует несколько точек зрения на происхождение былин.

А. П. Скафтымов, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов и их последователи полагают, что не столь важно искать в былинах конкретные исторические события и реально существовавших героев. Если эти события и нашли в них отражение, то в измененном, соответственно законам жанра, виде. Эти эпические произведения представляют собой плод фантазии народа. Они являются результатом развития культуры народа, его поэтического творчества.

Однако с этой точкой зрения не согласны Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев, которые считают, что былины чаще всего отражали именно конкретную историческую действительность. Известно, что древнерусские летописцы включали в свое повествование сведения, полученные из былин, «следовательно, — пишет академик Д. С. Лихачев, — летописцы рассматривали былины как своего рода исторический источник и не сомневались в том, что былина рассказывает о действительно имевших место событиях и о действительно существовавших лицах...»³. «Художественное обобщение в былинах, подобно тому как это было в древнерусской литературе, — пишет Д. С. Лихачев, — шло от единичного исторического факта, от конкретного исторического лица и конкретного исторического события»⁴. Представляется, что эта, последняя, точка зрения наиболее справедливая.

¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 44.

² Контаминация — смешение двух или нескольких событий при их описании.

³ Лихачев Д. С. Единичный исторический факт и художественное обобщение в былинах. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 434.

⁴ Там же, с. 435.

Какие же исторические свидетельства сохранились о былинных героях?

Главными богатырями в былинах являются Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Илье Муромцу посвящены былины: «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья и Идолище поганое», «Бой Ильи с сыном», «Илья и Калин-царь», «Илья и голи кабацкие», «Скора Ильи с князем Владимиром», «Илья на Соколекорабле», «Три подвига Ильи Муромца».

Илья возглавляет богатырскую заставу, преграждающую путь врагам. Биография Ильи Муромца — плод творческой фантазии народа. Русские летописи Илью не упоминают, но не исключена возможность, что существовал какой-то богатырь с этим именем. В немецкой поэме начала XIII века «Ортнит» упоминается Илья из Руси (дядя короля Ортнита), однако персонаж этот эпический, а не исторический¹. Таким же эпическим героям представлен Илья в норвежской саге середины XIII века о Тидрике Бернском — Илья — русский богатырь, «могучий витязь», «красив и вежлив».

Русский народ в образе Ильи Муромца создал поэтическую легенду о крестьянском сыне, который от рождения страдал недугом: сидел в избе «сиднем» 30 лет и, исцелившись, успел при защите Руси совершить многие подвиги. Илья обладает могучей силой, исполнен величия. Он не остался в родном Муроме, а поехал в Киев, чтобы служить всей земле. Путь, по которому ехал Илья из Мурома через Брянские леса в Киев близок к тому историческому пути, по которому следовали торговые караваны и военные дружины. Илья очищает дороги на Киев от Соловья-разбойника и освобождает город Чернигов от вражеской осады. Князь Владимир знал, что Чернигов в беде, но ничего не сделал, чтобы помочь ему. В эпоху феодальной раздробленности каждое княжество вынуждено было самостоятельно бороться с врагом. Владимир поступил в данном случае как подлинный удельный князь². Подвиги же Ильи воплощают мечту народа о едином, могучем Русском государстве, которое защищало бы от врагов любой из своих городов.

Добрыня Никитич — «крестовый брат» Ильи Муромца. Он молчуч и смел, как Илья, однако более дипломатичный и образованный. Добрыня честен в любви и дружбе, умеет читать по-церковному, играть на гуслях (когда играл, «все на пиру тут заслухались»).

В былине «Добрыня Никитич и Змей» побежденный Змей обещает Добрыне не делать людям зла, но нарушает свое слово. Добрыня вновь с ним борется:

¹ См.: Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Дитрихе Бернском (Веронском). — Изв. ОРЯС, т. XI, кн. 3, с. 30.

² Пример контаминации исторического лица: Владимир Святославович (ум. 1015 г.) в былинах оказывается современником феодальной раздробленности.

Они тут дрались да дело по три дня,
А Добрыня сын Никитинич
Отшиб у ей двенадцать хоботов,
Убил змею да ту проклятую.

Расправившись с врагом, Добрыня освобождает «полоны российские».

В былине «Добрыня и Василий Каземирович» богатыри едут с данями-пошлинами от князя Владимира в землю половецкую, к царю Батуру. Они решают не только не платить этой дани, но получить с Батура дань за двенадцать лет. Спор богатырей с половецким царем решается не в борьбе, а в благородных играх. Богатыри состязаются с царем в игре в кости, в стрелянии из лука и одерживают верх. Тогда Батур совершает вероломство — призывает монголо-татар¹ расправиться с гостями. Добрыня и Василий побеждают врагов и получают от Батура желаемые «дани-пошлины».

Некоторые былины о Добрыне более древнего происхождения, чем подобные же произведения об Илье Муромце. Летописи рассказывают о некоем Добрыне — дяде князя Владимира Святославича по матери. (Отец Добрыни — Марк Любечанин был братом ключницы князя Святослава — Малуши. У Малуши от Святослава родился Владимир.) Летописец рассказывает о походе Владимира на болгар, где этот приближенный советник рекомендовал князю воздержаться от наложения дани на болгар потому, что те ходят в сапогах (следовательно, богаты и найдут средства для борьбы), и предложил искать для дани «лапотников». В Иоакимовской летописи XVII века рассказывается старинная история о том, как Добрыня и тысяцкий Путята с войсками пришли обращать новгородцев в христианство, разбили их в сражении, подожгли город, свергли идола Перуна.

Подвигам Алеши Поповича посвящены былины: «Алеша Попович и Тугарин», «Алеша и сестра Эбродовичей (Петровичей)», «Добрыня Никитич и Алеша Попович». В борьбе с врагами Алеша прибегает иногда к хитрости, обращается за помощью к «небесной силе».

Былинный Алеша имеет исторический прототип. В Тверской сборник (или Тверскую летопись), составленный в 1534 г., включен более ранний рассказ о «храбре» Александре Поповиче. Этот богатырь-герой не общерусский, а местный. Он служит первоначально владимирскому великому князю Всеvolоду Юрьевичу (Большое Гнездо), затем его сыну — ростовскому князю Констан-

¹ Говоря о монголо-татарском нашествии, следует иметь в виду, что речь идет о племенах, которые начали в XIII в. завоевательные походы из центрально-азиатских степей. Именование «монголо-татары» часто распространялось в средневековые на все тюркоязычные племена, как участвовавшие непосредственно в походах Чингисхана, так и на покоряемые народы. Венгерский миссионер Юлиан в 1236 г. утверждал, что монголы «обязывают... (покоренных) впредь именоваться татарами». Что же касается современного населения Татарской АССР, то это — потомки коренного тюркоязычного населения Волжской Булгарии, завоеванной монголо-татарами в 1236 г. (см.: История Татарской АССР с древнейших времен до наших дней. Казань, 1968, с. 69—70).

тину. Когда на Ростов напал брат Константина Юрий, Александр Попович со своими воинами в нескольких схватках побил многих его людей. Д. С. Лихачев доказал, что рассказ этот типично былинный и отражает еще домонгольские представления народа. После смерти Константина Ростовского к Александру Поповичу съезжаются все русские богатыри — «храбры» — и совещаются, как им быть дальше. Если они по-прежнему будут служить только своим удельным князьям, то враги перебьют их поодиночке, ведь на Руси между князьями «великое неустроение» и часты междуусобицы. «Храбры» решают ехать в Киев и служить единому общерусскому князю, т. е. всей русской земле. В то время в Киеве княжил великий князь Мстислав Романович Смоленский. Узнав, что монголо-татары захватили многие земли и уже подошли к Руси, гордый и самоуверенный князь не придает значения нависшей опасности, он говорит: «До тех пор пока я в Киеве, никому саблей не махивать». Вероятно, из-за этой самонадеянности князя и погибает в битве с монголо-татарами на Калке Александр Попович и его семьдесят «храбров».

В одной из повестей XVI века вновь говорится о богатыре Александре Поповиче. Он служит князю Мстиславу, который правит всей Русью и под рукой его 32 русских князя. Александр Попович борется с соперником Мстислава — киевским князем, который объединился с врагами Руси — печенегами, половцами, жемотью — и подошел к пограничной реке Почайне. В этой повести служба Поповича местному князю представлена как служение единому русскому князю, а борьба с его врагами — как борьба с врагами Руси.

В грозный для Русской земли период борьбы за свою целостность и независимость былинные богатыри — местные герои — становятся героями общерусскими. Происходит циклизация былин вокруг центра Руси — Киева и князя Владимира Красное Солнышко. Начинается этот процесс еще в демонгольскую эпоху и завершается в период присоединения Новгорода к единому Русскому государству, во главе которого стояла Москва.

В былинах Киевского цикла нашли отражение растущие противоречия между князем и народом. В былине «Илья и Соловей» Владимир хвастливо говорит, что за его столом сидят много князей, бояр, купцов, шестьдесят «могучих богатырей», но для Ильи Муромца не находится достойного места. Не пригласить богатыря на княжеский пир значит, что при решении важных государственных дел, которые обычно решаются в былинах на этих пирах, князь и бояре хотят обойтись без представителя народа.

Конфликт между княжеской или королевской властью и отдельным вассалом был одной из важнейших тем эпических сюжетов многих народов. Например, в сербском эпосе о королевиче Марко царь бросает Марко на три года в темницу. В старофранцузском эпосе «Ожье Датчанин» Ожье обижен императором Карлом, ведет с ним войну, попадает в плен, его заключают в темницу, где

император хочет уморить его голодом. Академик В. М. Жирмунский писал: «Сходство здесь не генетическое, а типологическое. Исходная ситуация везде одинаковая: слабый правитель не в состоянии защитить свою страну от нашествия иноземцев. Это делает герой, несправедливо обиженный дружинник или вассал, на стороне которого народные симпатии. Общность ситуации определяется сходными историко-бытовыми условиями...»¹.

Чаще всего богатырь несет наказание не за проступок и не за вину, а за то, что не пожелал выполнить каприз или прихоть князя. В былине «Данило Ловчанин с женою» Илью Муромца сажают в погреб потому, что он осуждает князя Владимира за попытку убить Данилу Данильевича и полонить его жену Василису Никулишну. В былине «Сухмантий» богатырь не привез князю «лебедь белую», и его сажают «во глубок погреб», несмотря на то что, встретив врагов, Сухмантий вступил с ними в битву и спас Киев. Сухмантий не может смириться с княжеским произволом, открывает раны и истекает кровью.

В былинах князь готов перед врагом унижаться и даже раболепствовать. Из истории известно, что нередко русские князья женились, женили своих сыновей или выдавали дочерей за иноземцев. Это осуждалось народом. В былине «О женитьбе князя Владимира» киевский князь сватается к дочери золотоордынского короля Етмануила Етмануиловича. В народном эпосе Тугарин — злобный поработитель, враг земли Русской, однако исторический половецкий правитель Тугор-хан был тестем русского князя Святополка III Изяславича (князь был женат на дочери Тугорхана). Некоторые русские удельные князья приглашали конные отряды Тугор-хана во время своих междоусобных войн.

Монголо-татарские ханы понимали, что им легче властвовать над разделенным междоусобной борьбой народом, и сеяли раздоры между русскими князьями: восстанавливали северо-восточного великого князя против князя черниговского, ростовских князей против князей владимировских, Москву против Твери. Народ осуждал княжескую междоусобицу и просил князей не вести «рать межь собой» («Повесть временных лет» под 1097 годом).

Благополучие Киева, а в более позднее время благополучие Москвы в поэтическом сознании народа олицетворяло процветание всего Русского государства, поэтому для его спасения богатыри готовы пойти на любые жертвы. Они знают, что несут ответственность за судьбу Родины не перед князем² и боярами, а перед народом (Илья Муромец, например, решает убить побежденного

¹ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958, с. 78.

² Сам князь в былинах не сражается, а бояре и купцы в ответственный момент отказываются даже выслушать его:

Отказались князья, его бояри,
Уж как те купцы торговые;
Мы не можем со князем думу думати,
Мы не можем со князем мысли мыслити...

богатыря, оказавшегося его сыном, лишь только потому, что после смерти Ильи тот «много... наделал вреда славну Киеву»).

В борьбе с иноземными захватчиками народу не от кого было получить помощи, и богатыри в былинах, как правило, в отличие от героев народной сказки надеются только на свою силу (не имеют никаких талисманов или магических средств).

Богатыри наделены большой энергией, убежденностью в правоте своего дела, что позволяет им верить в победу даже тогда, когда, кажется, нет и надежды на успех. Они упорны в достижении цели, но в то же время достаточно гибки и находчивы, чтобы с изменением обстоятельств изменить и свои средства борьбы. Уже в ранний период нашей истории народ создал поэтические образы, в которых нашли воплощение качества, которыми должен обладать идеальный воин. Ни при каких обстоятельствах богатыри не теряют присутствия духа. Главное в их действиях — это стремление нанести поражение противнику. Даже обороняясь, они не только отбиваются от ударов, но стараются повергнуть врага.

В древнерусском языке понятию «богатырь» соответствовали слова «храбр», «храбор». Слово «богатырь» появилось лишь в летописях XIII века. Богатырь всегда изображался не пешим, а конным воином. В «богатырство» его никто не посвящал (в отличие от средневековой Европы, где существовал сложный обряд посвящения в рыцари). Русский богатырь сам становился защитником родной земли и нес свою службу независимо от воли светской и духовной власти.

В отличие от западноевропейских рыцарей, которые всегда изображались представителями феодальной знати, русские богатыри — выходцы из народа¹. Отец Ильи Муромца — «чернопахотны» крестьянин Иван Тимофеевич из села Каракарова близ Мурома. Дочери Соловья-разбойника называют Илью «мужиком да деревенщиной» (следовательно, сам Соловей не простого рода). Мужиком-деревенщиной обзывают его бояре и князь Владимир. Когда Илья, приехав в Киев, сообщает князю, что прибыл «прямоезжей дорогой», тот не верит ему:

Ай же ты мужичище-деревенщина!..
Во глазах, мужик, да насмехаешься...

Сам Илья не гнушается своего звания: он говорит Владимиру:

Илья Муромец, да сын Иванович...
Илья Муромец, да ведь крестьянский сын.

Незнатного рода и Добрыня Никитич. Добрыня объясняет освобожденный им Забаве, что не может жениться на ней потому, что она княжеского рода, а он «роду христианского». Княжна Апраксия называет «деревенщиной» Алешу Поповича, победив-

¹ В западных странах для посвящения в рыцари требовалось происхождение от «гербового дворянина» — отец и дед его должны были быть рыцарями.

шего Тугарина — ее любовника. Выходец из бедных городских низов и богатырь Василий Игнатьевич.

Богатырь с детства тянет к оружию. Волх Всеславич просит свою мать:

А не пеленай во пелену черевчатую,
А не в поясы в поясья шелковые,
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую...¹

Их воспитывают для ратного дела (исключение представляет Илья Муромец, который «сиднем сидел 33 года»). Добрыня, например, совершают подвиги двенадцатилетним отроком.

В былинах большую роль в воспитании богатырей играет мать. Так, мать Добрыни Амелфа Тимофеевна обучает сына грамоте. Богатырь является образцом поведения во всех случаях жизни. Он вежлив и учитив: при встрече «здравствует», войдя в помещение кланяется («Крест-от клал по-писаному, Вел поклон по-учено-му, На все на три, на четыре сторонки низко кланяется...»). Богатырь всегда ведет себя с достоинством, речь его нетороплива, решения большей частью обдуманны. Он не должен поддаваться ни усталости, ни голоду, ни жажде. По несколько суток ведут богатыри тяжелый бой, не слезая с коня, без еды и питья. В былине «Два брата, два витника» рассказывается, как князь Роман Дмитриевич шел с дружиной к рубежам Московской земли. Воинов мучала жажда. Подойдя к реке Березине, некоторые из них стали пить «нападкою». «Которая сила пила нападкою, Говорил князь Роман Дмитриевич: „Той силы на бою мертвый быть“, Отпушил назад ту ю силушку. Которая сила пила шеломами да черпушками, Тую силу с собой брал». Даже утолять жажду богатырь должен разумно.

Как правило, богатыри не корыстолюбивы. Образцом поведения мог служить все тот же главный богатырь — Илья Муромец. В былине «Илья и соловей» Илья возвращает сыновьям Соловья все богатства их отца («Ай же, малы выноши Соловьиные! Катите все именье-богачество, Всю несчетну золоту казну, оставлена вам от батюшки, Будет пропитаться до смерти...»).

Великодушное отношение к побежденному врагу типично для героев славянского фольклора (см., например, сербские песни: «Марко Кралевич и Алие-Ага», «Марко Кралевич и Муса Кеседжия»). В былине «Илья и Идолище поганое» царь Константин предлагает Илье «казны сколько надобно!», но тот отказывается от нее: «Что мне надобно, калике перехожему?» — говорит он.

¹ Сравним со «Словом о полку Игореве», где говорится о воспитании воинов-курян: «А мои ти куряне сведоми къмети; под трубы, повити, под шеломи възделеяни, конец копья всъкоръмлени...»

Добыв большие богатства, Илья раздает его бедным: «раздавал это золото-серебро по нищей братии».

Богатырь сдержан; его противник хвастлив. В былинах всегда осуждается хвастовство. Богатырь может иногда похвалиться конем, силой, богатством, но никогда русский богатырь не хвастает своими подвигами. Хвастовства не прощают никому, как бы ни были велики заслуги и подвиги.

В одной из былин на пиру начал похваляться монголо-татарский богатырь: есть по-звериному, пить по-лошадиному, хвастаться, что у него косая сажень в плечах. На него за это напустили не богатыря, а плохонького и горбатого мужичонку, который «вышиб татарина из тела», нагим по двору пустил.

В былинах обычно богатырь не предстает сразу во всей его мощи. Сначала он внешне ничем не примечателен; окружающие не верят в его силу, говорят, что, поступая решительно и опрометчиво, он готовит себе гибель. Перед сражением богатырь готов даже представить себя этаким скромным, наивным тихоней и, словно невзначай, подразнить своего врага. Эта неприметность богатыря придает большую значительность его последующим подвигам, она является одной из характерных черт героя из народа и в русской художественной литературе.

В отличие от своих врагов богатыри отнюдь не гиганты. Вспомним, что великан Соловей-разбойник сидит на семи дубах, Тугарин имеет крылья и может летать, иногда он представляется как змей — «эмееще Тугарище»:

Он ведь, эмееще-то, Тугарище,
Три сажени-то больших печатных,
Как переносе-то его будто палка дровокольная...

Это преувеличение силы и размеров врага «подчеркивает его грубо физиологическую сущность» (Пропп В. Я.), делая более значительной победу над ним.

Устрашающая внешность врагов и неприметность богатыря внушают мысль о надвигающейся «беде неминучей». Кажется, победить должно могучее, полуфантастическое существо, обладающее страшной силой. Однако в былинах торжествует всегда человеческое начало, которое побеждает все сверхчеловеческое, все, что враждебно людям.

Богатырь может быть плохо одетым (в былине «Илья Муромец и разбойники» рассказано, что на плечах богатыря «шубочка худым-худа... вся излатана»), но конь и оружие у него всегда самые лучшие: палица в 40 или 90 пудов, шлемом можно наповал убить нескольких человек, тяжелый лук. Вот как описано вооружение богатыря в былине «Михаил Казаринов»:

Как конь под ним — как бы лютый зверь,
Он сам на коне — кац ясен сокол;
Крепки доспехи на могучих плечах;
Куяк¹ и панцирь — чиста серебра,

¹ Куяк — доспех.

А кольчуга на нем красна золота,
А куяку и панцирю цена стоит на сто тысячей,
А кольчуга на нем красна золота,
Кольчуге цена сорок тысячей;
Шелом на буйной голове замычется,
Шелому цена три тысячи;
Копье в руках мурамецкое, как свеча горит;
Ко левой бедре приоясана сабля острая,
В долину сабля сажень печатная,
В ширину сабля осьми вершков,
Еще с ним тугой лук разрывчатый,
А цена тому луку три тысячи,
Потому цена луку три тысячи:
Полосы были булатные,
А жилы слоны сохатныя,
И рога красна золота,
А тетивочка шелковая
Белого шелку шемаханского,
И колчан с ним каленых стрел...

Однако главное превосходство богатырей заключено не в их оружии, не в физической силе и воинском умении, а в силе нравственной. Они обладают моральным превосходством над своими врагами, борются за правду.

Иногда богатырь одерживает победу легко («малыми средствами»): так, Илья повергает Идолище шляпой, разбойников — единой стрелой, которую пустил в дуб, отчего разлетелся в щепки его ствол и перепугал врагов. А сербский герой Кралевич Марко бьет врагов своей торбой.

Не всякий бой в эпосе поэтизируется. Бой внутренне оправдан и представляет возвышенный, геронический подвиг только в том случае, если богатырь защищает не свои личные, а общенародные интересы. В былинах общенародные цели выше частных, индивидуальных. Если же оружие обнажено по личным мотивам, то богатырь внутренне неправ и обречен на поражение. Такова битва богатыря Ивана Годиновича с Баxрамеем; началась она из-за невесты, и богатырь был не только побежден, но и посрамлен.

В былинах нет описаний душевных переживаний героев, показываются лишь результаты этих переживаний, проявляющиеся в действиях и поведении этих героев. Однако каждый богатырь обладает своим характером — каждый из них яркая индивидуальность. Илья Муромец могуч, прямолинеен, бескорыстен, справедлив и суров. Алеша Попович действует порывисто, грубовато: он молод, впечатлителен, иногда легкомыслен, воспринимает все непосредственно и действует горячо. Он ловок, изворотлив, находчив. Добрыня вежлив и внимателен, хорошо воспитан и сдержан, своей обходительностью и умной речью умеет помешать скоре и расположить к себе людей. В былине о Дунае Настасья говорит: «А все я во Киеве повызала. Ведь Алеша Поповича смелее нет во Киеве. А Добрыноюшкой вежливей нет во всем Киеве». В. Г. Белинский писал об Алеше и Добрыне: «А впрочем, они — братья названные и взаимно уважают друг друга в качестве сильных мо-

гучих богатырей. Оба эти характера — два разных типа народной фантазии, представители разных сторон народного сознания»¹.

В. Г. Белинский восхищался, например, поведением былинного Садко, хитроватого, но в то же время бесстрашного удальца; стараясь избежать смерти, тот лукавит, когда мечет жребий, кому броситься в воду, когда же из его уверток ничего не выходит, он «уже больше не отвертывается, но по-русски бросается... со всей решимостью, отвагой и удастью».

Богатырям присущее чувство собственного достоинства; как с равным разговаривает с киевским князем Илья Муромец:

Ай ты здравствуешь, Владимир стольне-Киевский!
А уж все ле у вас в городе по-старому,
И нету ле у вас в Киеве чего нового?..

Как правило, богатыри не боятся никаких заклятий и волшебства. Мать Добрини не разрешает сыну купаться в «третьей струйке» Пучай-реки; но тот не слушает ее — купается и побеждает змея. Василий Буслаев не верит «ни в сон, ни в чох», ни в мрачные предсказания и одерживает победу над врагами.

В письменной древнерусской литературе («Слово о полку Игореве» и другие произведения) существовала целая система зловещих знамений и примет, которые предупреждали воинов об опасности: здесь были и вещие сны, и необычайные явления природы (затмение солнца, появление комет, кровавый восход и т. п.). В былинах такого рода упоминаний нет. В эпических произведениях существовала лишь ситуация, когда конь предупреждал воина о грозящей опасности или даже смерти.

В эпосе многих народов рассказывается о разбойниках. Разбой на больших дорогах был общенародным бедствием, и борьба с ним стала важной государственной задачей. Без свободных дорог невозможна существование государства.

Сходные сюжетные ситуации и художественные образы фольклора разных народов объясняются сходством мировоззрения на одинаковых ступенях общественного развития, общими историческими типичными чертами жизни и быта. Афинянин Тезей юношей странствовал по дорогам и ловил разбойников. Аргонавты уничтожали пиратов в Черном море, наносивших вред торговле. В западноевропейском фольклоре рассказывается о рыцарях-разбойниках, строивших свои замки вблизи торговых дорог. В эпосе сербского народа создан образ разбойника Мусы-албанца, наделенного громадной физической силой. Много разбойников было и на Руси. Соловей-разбойник русских былин — это художественный образ сил, которые мешали объединению Руси. В былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» поется:

Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А ѿ по той ли по дорожке прямоезжею
Да ѿ пехотою никто да не прохаживал...

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М.—Л., 1954, т. 5, с. 380.

Как у той ли то у Грязи-то у Черноей...
Сидит соловей Разбойник во сыром дубу...

В былине «Вольга и Микула» ратай Микула Селянинович рассказывает о том, как встретил и побил «мужиков-разбойников, просивших грошей-подорожных». В былине «Три поездки Ильи» Илья наехал на дороге на пятьсот разбойников и вступил с ними в битву.

Но чаще всего богатырям приходится сражаться с вражеским войском. Оно идет погубить Русь, истребить людей, уничтожить князя, разорить церкви. Так хочет, например, расправиться с Русью Калин-царь в былине «Илья Муромец и Калин-царь»:

И хотит он разорить да столенный Киев град,
Чернедъ-мужичков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить.
Князю-то Владимиру да голову срубить,
Да с той Опраксой королевичной...¹

Враги всегда быстро подходят к городу, окружают его, но не спешат идти на приступ. Они уверены в своей силе и надеются, что город сдастся им без боя.

Нагнано-то силы много множество —
Как от покрику от человечьего,
Как от ржанья лошадиного
Уивает сердце человеческо...

В былине «Василий Игнатьевич и Батыга» от пару лошадиного «померкл солнце», от монголо-татарского духу «потемнела луна». Приблизительно такое же описание содержится и в Галицкой летописи, рассказывающей о приходе монголо-татарского войска. В Киеве в это время не слышно было человеческого голоса «от гласа скрипания телег его, множества ревения вельблуд его и ръжанья от гласа конь его». Возглавляется вражеское войско былинным царем Калином с сорока царями и царевичами или с сорока королями (Калин, вероятно, восходит к тюркско-татарскому слову «калын» — «жирный»). В былине указано, что Калин окружен родней, каждый из членов которой имеет свое войско:

Как на каждого зятя и на шурина
По три тьмы да по три тысячи.

У монголо-татар во времена их завоевательных походов войско действительно строилось по родовому признаку. Члены рода сражались вместе, образуя отдельные ряды. Известно, что у Чингисхана над каждыми десятью воинами (чаще всего членами одного рода) был свой начальник, над десятью десятками стоял сотник, над десятью сотнями — тысячник, десять тысяч назывались тьмою и возглавлялись темником. Калин-царь в былинах посыпает к князю посла с требованием сдать город, грозит уничтожить его: «Я и Киев-град-от город выжгу, вырублю».

¹ Былины. Л., 1957, с. 119. «Библиотека поэта». Большая серия. Далее ссылки на это издание в тексте. «Божьи церкви на дым спустить» грозит, подойдя к Киеву, «индийский царь» (былина «Волх Всеславьевич», с. 54) и др.

Процесс самой битвы в былинах не описывается. «Подобная неразвитость картины боя объясняется, по-видимому, следующим: мифический и раннеэпический бой — поединок героя и врага, наделенных гиперболизированной физической силой, в ходе исторического развития сменился боем, в котором по-прежнему фигурирует герой-богатырь, но враг стал историческим врагом — татарским войском»¹.

В изображении боя нет детального описания картин смерти, которые имеются в европейском эпосе. В «Илиаде», например, о смерти троянца Атрейона, сраженного копьем Агамемнона, говорится: «Быстро сквозь медь и сквозь кость пролетело и, в череп ворвавшись, с кровью смесило весь мозг...» В «Песне о Нibelунгах», в «Неистовом Роланде» и других произведениях рассказывается о вывалившихся на траву мозгах, о копье, торчащем в сердце поверженного воина, хлынувшей на траву крови и т. п. Именно в битве, являющейся переломным моментом в судьбе героев, проявляется сущность богатырского характера. Между подвигом богатыря, его нравственным обликом и характером, между битвой и всей предшествующей жизнью богатыря существует неразрывная связь. Встретив врагов, богатырь вступает с ними в схватку. Бой богатыря бывает с одиночным врагом (например, бой Добрыни со змеем), иногда с толпою врагов (бой Дуная на дворе литовского короля в былине о женитьбе Дуная), бой одного героя с целым войском.

Как изображают былины сражение, которое ведет главный богатырь — Илья Муромец? В этих былинах запечатлена идеальная «модель» сражения, как ее представлял народ. На врагов богатырь смотрит не только без страха, но и без тревоги. Все, что ни делает Илья, все исполнено значения: перед битвой он старается определить силы врага: выезжает из города и смотрит войско². В том случае, когда видит, что ему одолеть «рать — силу великую», он старается привлечь к борьбе богатырей. Для этого прежде всего потребуется время. Нужно сделать так, чтобы враги отложили момент приступа и штурма Киева и дали возможность богатырям собраться. Илья едет в качестве посла к Калину-царю. Он просит отсрочки сдачи города на три дня: киевляне-де хотят подготовиться к смерти и проститься друг с другом. Если отсрочки Калин не дает, Илья понимает, что нечего терять время, и здесь же, в монголо-татарском стане, начинает битву. Если Калин готов повременить, Илья возвращается в Киев и велит Владимиру готовить город к осаде: «Запирай, князь, ворота крепко-накрепко, Засыпай их желтым песком, серым камешком». Сам Илья едет разыскивать богатырей; он скачет по холмам и полям, пока не находит их где-нибудь у моря или Пучай-реки. После некоторого раздумья богатыри решают выступить против захватчиков.

¹ Юдин Ю. И. Типы героев в героических русских былинах.— В кн.: Русский фольклор. Л., 1974, т. XIV, с. 41.

² См.: Былины Севера. Подготовка текста и комментарий А. А. Астаховой. М.— Л., 1951, т. II, с. 75.

Для большего впечатления некоторые действия, предшествующие битве, нарочито растягиваются, они как бы подготавливают слушателя к тому важному, что должно произойти. Ретардация — нарочитая задержка типична для всякого эпоса.

Перед битвой подробно рассказывается о том, как богатырь седлал коня. Приведем отрывки из былины «Илья Муромец и Калин-царь»:

А й тут старый казак да Илья Муромец,
Стал добра коня он заседывать:
На коня накладывать потничек,
А на потничек накладывает войлок,
Потничек он клал да ведь шелковенъкий,
А на потничек подкладывал подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седельшко недёржано,
И подтягивал двенадцать подпругов шелковых,
И шпилечки он втягивал булатные,
А стремяночки покладывает булатные,
Пряжечки подладывает от красна золата,
Да не для красы угожества,
Ради крепости все богатырской...

Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, брал копье бурзамецкое,
А еще брал свою саблю вострую,
А еще брал шалыгу подорожную...

Затем описывается встреча с врагами в поле. Победа богатыря чаще всего предопределена. Известен заранее исход встречи Ильи с Соловьем, Добрини со Змеем. Это представление о роковом, неизбежном итоге битвы — архаическая черта, присущая эпосу. Под Черниговом Илья:

Стал конем топтать, а копьем колоть,
Из лука стрелять, рубить он силушку поганую.

Соловья-разбойника Илья сбивает с «сырого дуба» заговоренной «стрелочкой каленою», зятьев Соловья разрубил «саблей вострою». С разбойниками Илья расправляется еще проще:

И он начал, старенький, тут шеломом помахивать:
Как в сторону махнет — так тут и улица,
А в другу он махнет — дак переулочек.

Борьбе с врагами Илья отдается с увлечением:

И сомутились у старого очи ясные,
И разгорелось у старого ретиво сердце;
Не увидел старый свету белого,
Не узнал старый ночи темных,
И расходились у него плечи могучие,
И засвистела у него палица боевая,
И зачивкала у него сабелька острия...

В тех случаях, когда битва происходит между двумя русскими богатырями, подчеркивается необыкновенная сила и мужество обоих богатырей: от их ударов «вода колеблется, земля колыхает-

ся», взрывается песок из-под копыт коней, расщепляются мечи и копья.

В былине «Три года Добрынушка стольничал» рассказывается: «А спела ведь тетивка у туга луга, Завыла да пошла калена стрела». Иногда воин кидал в противника нож, но это чаще делали противники богатырей («Брал Идолище булатный нож, Кидал в калику перехожего...»). Как и европейские рыцари, русские воины чаще всего начинали бой ударами копий, затем использовались либо сабля, либо палица. Враги старались добить ножом поверженного русского воина («Упадал Илья на сырь землю. Садился Сокольничек на белы груди. Вынимал ножище-кинжалище...»), но это случалось редко.

Иногда богатырю удается одержать победу благодаря хитрости. Калики перехожие советуют Илье не воевать с Вольгой Сеславичем: «Он не силой возьмет, так хитростью-мудростью». Богатырь Василий Игнатьевич просит у Батыя войско, якобы для того, чтобы сжечь Киев и взять в плен Владимира. Получив 40 тысяч воинов, он заводит их в непроходимые места и уничтожает.

Богатырь иногда обращается за помощью к небесной силе. Добрыня не может победить Горыныча, он молит бога, чтобы тот послал дождь, с мокрыми крыльями Горыныч не может летать — падает. Добрыня одерживает победу. В некоторых былинах Илья стоит связанный перед Калином; царь бывает русского богатыря по лицу. Илья просит силу небесную разорвать его путы, богатырь освобождается и побеждает.

Народная поэзия того времени еще не могла рассказать о действиях организованного войска, руководимого военачальником. В былинах описывается бой так, как он представлялся рядовому участнику этого события, находящемуся не в стороне — «на командном пункте», а в гуще схватки, перед лицом врага, которого он должен был поразить или погибнуть сам. Однако уже в этой картине содержатся зачатки рассказа о стратегии и тактике, проявлявшейся в расстановке военных отрядов. Илья так расположил войска русские:

Которых слал от синя моря,
Которых слал от чиста поля,
А которых слал от Почай-реки.

В былинной поэзии встречается описание построения войск, практиковавшееся в Древней Руси: в центре располагался главный полк — чело, по бокам — крылья. Богатыри предварительно бросают жребий, кому где воевать: Самсону — «рука правая», Добрыне и Алеше — «рука левая», а Илье Муромцу — «середка силы».

В эпосе содержатся и советы, как лучше вести сражение. Например, в былине «Михайло Данилович» Игнатий поучает своего сына Михайлушки быть осторожным, не ездить в середину расположения противника, а бить с «краюшку». Он говорит, что перед изготавлившимися к бою вражескими полками «накопаны подкопы широкие, глубокие. Как поставлены там ведь копья вострые». По-

добный совет можно было услышать от умудренного опытом, бывшего воина: при боевых действиях нередко применялись «волчья ямы» — замаскированные углубления в земле со вбитыми их в дно кольями.

В песнях многих народов рассказывается о молодом витязе, который опрометчиво бросается в бой, вопреки советам старших. В русских былинах таков молодой Константинушка, сын Саура Левонидовича, или юный Ермак Тимофеевич, который рвется в бой вопреки запрещению своего дяди князя Владимира: «Дядюшка князь Владимир стольно-киевский! — настаивает он на своем решении — А ты дашь прощеньице, повыеду, Аль не дашь мне прощеньице, повыеду!» И в другой былине Ермак не проявляет необходимой осторожности: Илья Муромец дал ему поручение «обсчитать силу» врагов. Ермак выполнил приказание, но не возвратился «в ставку» Ильи, так как по горячности вступил в бой и погиб.

В узбекской поэме «Кундуз и Юлдуз» малолетние Нурали и Равшан, не спросив разрешения старших, спешат на выручку своему отцу Нурали Аваз-хану, окруженному бесчисленным войском врагов. Правда, непослушание Нурали и Равшана не приводит к беде: они освобождают своего отца раньше, чем к ним подоспели Гороглы и старшие джигиты. Аналогичная ситуация в казахско-ногайском эпосе «Урак и Мамай».

Для былин типично победное завершение битв. Победа богатырей всегда полная — враг разбит, посрамлен и закаивается воевать с русскими.

Однако часто за победу приходится платить кровью. Былины рассказывают о богатырях, получивших ранения. На рану от стрелы кладут целебную траву. Пословица учила: «И собака знает, что травой лечатся». В былине «Сухмантий» богатырь «стрелочки каленые выдергивал. Совал в раны кровавые листочки маковы». Маку издревле народ приписывал лечебные свойства¹. В былине «Алеша Попович» богатырь был сражен ударом боевой палицы; пострадавшего стали «трясти и качать, потом подали ему питья заморского; От того здрав стал».

Смерть богатырей всегда величественна; из их крови рождаются реки: «Дунай», «Сухман».

* * *

*

Академик В. М. Жирмунский писал: «Татары в русских былинах отражают три последовательных исторических наслоения: ужасы первых татарских погромов (киевский период), гнет многолетнего татарского ига и полный разгром национального врага (московский период)»².

¹ Например, в европейском лечебнике сообщалось о том, что смешанным со смоквой маком и «костей переломы излечишь» (Солернский кодекс здоровья, написанный... Арнольдом в XIV столетии... М., 1970, гл. 39).

² Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958, с. 9—10.

В былинах первого периода нашествие монголо-татар представлено как нечто неотвратимое. И до этого времени русским приходилось бороться с кочевниками за свою независимость, но все они: печенеги, половцы — были заслонены монголо-татарами после того, как Русь подверглась новому небывалому и опустошительному нашествию.

В повести о битве на реке Калке неизвестный автор так описал впечатление от страшного побоища: «... а князья русские выступили, бились с ними и побеждены были; те же, кто божьим судом остался жить, убежали, а остальные были убиты. ...И были плач и печаль на Руси и по всем землям, слышавшим об этой беде...». Н. А. Добролюбов указал на причины поражения, на недостойное поведение русских феодалов: «Князья истощили свои силы в удельных междуусобиях и вовсе не умели оказать энергичного противодействия страшным неприятелям. Они бегали от монголов, пока не узнали, что они не вмешиваются во внутреннее управление и довольствуются собиранием подати. Тогда они признали себя данниками монголов, и народ узнал, что он стал татарским улусом и что подати на нем прибавилось. Горько было настоящее положение народа, обманутого в своих ожиданиях: он невольно сравнивал нынешние события с преданиями о временах давно минувших и грустно запел про славных могучих богатырей, окружавших князя Владимира. Песня эта была сначала горьким упреком настоящему, а потом, доставляя народу забвение и даже утешение, стала увлекать его и заставляла применять прежние события к современному течению дел. Таким образом, богатырь Владимира заставили сражаться с татарами и самого Владимира сделали данником «грозного короля Золотой орды, Эммануила Этмануйловича»¹.

Маркс назвал монголо-татарское иго «кровавым болотом».

Несмотря на уничтожение многих городов и сел и массовое истребление населения, русский народ не сломился; не исчез с исторической арены, как исчезли многие другие народы, подвергшиеся подобным нашествиям. Время от времени на Руси вспыхивали восстания. Эти выступления жестоко подавлялись, но идея освободительной борьбы все больше укреплялась в сознании народа.

Монголо-татарское нашествие запечатлено в былинах «Илья Муромец и Калин-царь», «Добрыня и Василий Казимирович», «Василий Игнатьевич и Батыга», «Гибель богатырей», «Камское побоище».

Былина «Михаил Казарин» рассказывает о том, как герой вызволяет из монголо-татарского плена сестру. Возможно, эта былина была откликом на событие 1106 года, когда князь Свято-полк послал воеводу Казарина на Волынь, который разбил там половецкое войско и освободил взятых в плен русских. Эта былина

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1934, т. 1, с. 216.

была сложена на Волыни и только позднее оказалась включенной в Киевский цикл.

С образованием Московского государства борьба с монголо-татарами приняла характер планомерной и систематической обороны. На рубеже государства были построены пограничные крепости, острожки, создана пограничная стража, обязанная охранять границы и наблюдать за передвижением кочевников. Первое упоминание о такой страже встречается в летописи под 1360 годом. Может быть, именно в это время появилась пословица: «Близ границы не строй светлицы, строй башенку». Если раньше для борьбы с кочевниками воины выезжали в поле, «поляковали», «казаковали», то теперь они стояли на заставах и острожках и оберегали границы. В «Сказании о киевских богатырях», которое относят к XVII веку, рассказано о недовольстве богатырей, вынужденных стоять такими «сторожами»:

А возговорят богатыри тако слово!

Сторожем мы в земле не извадились жить,
Недоведетца нам сторожами слыть.

Не извадились мы сторожем стеречи,
Только мы извадились в чистом поле ездити,
Побивать полки татарские,
Отпусти нас, государь, в чистое поле...

Русский народ накапливал силы для решительной борьбы. 8 сентября 1380 года была одержана победа над монголо-татарами на Куликовом поле. Это событие имело громадное историческое значение. Господству Золотой Орды был нанесен удар, который в конечном итоге привел к ее распаду. Историк С. М. Соловьев писал о том, что эта битва не могла не породить в народе многих рассказов и воспоминаний, которые с течением времени изменялись и дополнялись. В результате этого народного творчества появилось литературное произведение «Повесть о Мамаевом побоище» (сохранилось несколько ее вариантов). Картина сражения, представленная в ней, близка по своим поэтическим образам к эпосу: «...И ступиша велици полцы, и крепко бьющеся напрасно. Щепляются щиты богатырския от вострых копьев, ломаются рогатины булатныя о злаченыя доспехи, льется кровь богатырская по седельцам покованным, сверкают сабли булатныя около голов богатырских, катятся шеломы злаченые с личинами добрым конем под копыта, валятся головы многих богатырей и добрых коней, на сырую землю и потоптаны быша. Не едины бо русские богатыри побьены быша, но да и татарских вдвое. Не токмо оружием бьющеся, но и сами о себе разбивауся. И под трупнем мертвым мнози живи умираху. От великия тесноты изыхахуся, яко не мощно им вместитеся на поле Куликове, еще бо то место тесно между Доном и рекою Мечью. На том бо поле сильнии и велици полцы снимашася. Из них же выступали кровавые зори, блистанья же мечное и сабельное сверкаше яко мланья из рук богатырских. От

мечного сечения трепет бысть тогда и треск и лом велик копейный,
яко же не мощно зрети никако же сего грозна дни и страшного
часа»¹.

* * *

*

Несмотря на то что основное содержание былин, как мы видим, составляет борьба, в них неоднократно проводится мысль о превосходстве мирного труда над военным. Самым сильным из богатырей оказывается Микула Селянинович. В былине «Вольга и Микула» в суме у него «тяга земная». Ее не в силах сдвинуть Святогор. Сошку пахаря Микулы не могут вытащить из земли дружинники Вольги. Эти сильные воины оказываются бесполезными для крестьянского труда. На вопрос, как его звать, Микула называет свое имя, говорит, что он — крестьянин, и прославляет мирную сельскую жизнь:

Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Дранин надеру, да и пива наварю,
А я пива наварю да и мужиков напою,
Станут мужички меня покликивать:
«Молодой Микула Селянинович!»

Сила Ильи Муромца проявляется не только в бою, но и в мирном труде. Первый подвиг, который он совершает после исцеления, — чисто крестьянский: он корчует пни и расчищает поле под пашню:

Пошел Илья ко родителю ко батюшку
На тую работу на крестьянскую
Очистить надо поле от дубья колодья...

Предпочтение мирному труду оказывается в фольклоре многих народов. Например, в карело-финском эпосе «Калевала» Вайнемайнен делает лодки и занимается земледелием, Ильмаринен — идеальный кузнец. Герои армянского эпоса «Давид Сасунский» — сасунские богатыри, несмотря на то что являются правителями страны, не перестают трудиться: Санасар и Бадасар строят для бедняков крепость и город, Мгер занимается охотой, Давид пасет стада и пашет землю. Во многих сербохорватских песнях рассказывается о матери, которая просит своих сыновей оставить оружие и заняться земледелием или ремеслом. Эти воины и сами рассматривают труд как естественную необходимость для человека.

В былинах с любовью изображается предметный мир. Подробно описывается оружие: мечи, копья, стрелы, снаряжение коня. На Руси оружие из металла начали изготавливать в доисторические времена. В «Повести временных лет» летописец — современник Мономаха писал о времени легендарного бога Сварога (санскритское

¹ Русские войска сражались на Куликовом поле под предводительством великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича Донского. Монголо-татарское войско возглавлялось правителем Золотой Орды темником Мамаем.

«сварга» — небо), когда появился металл — «нача ковати оружие»¹. Народ был создателем всех этих вещей, ему присуща любовь ко всему, что создано трудом. Это проявилось в идеализации предметов. Оружие у богатырей булатное, доспехи, кольчуга, утварь из золота и серебра, стрелы из заморского тростника, оперены перьями орла, в них блещут камни-самоцветы. Обувь богатырей — лапти, сплетенные из семи шелков, на них сверкают драгоценные камни. Все ярко и нарядно.

Богата и обильна былинная Русь: поля щедро родят хлеб, в лесах много зверя, в реках рыбы. В этой стране много городов, сел и деревень. Города блестят теремами и храмами, окружены стенами и башнями, улицы вымощены, в праздники их украшают сукнами и коврами. В центре города — княжеский двор. Главным городом Руси, ее столицей является Киев.

Русь — это сказочная страна, где «раздольице чисто поле», «лесушки темные», «горы высокие». Подобное представление о родной земле близко к тому, которое мы находим и в письменной древнерусской литературе. Так, например, в предисловии к повести об Александре Невском, называемом «Слово о погибели русских земель», написано: «О светло светлая и красно украшена земля Русская! Многими красотами ты нас дивишь: дивишь озерами многими, реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверьми различными и птицами бесчисленными, городами велиими, селами дивными... домами церковными...»

В эпосе еще нет развернутых описаний ландшафта — потребность воссоздать в поэзии природу появится позднее. Но в былинах природа близка и понятна людям. Она их не только кормит и поит, но и защищает от врагов. Река Непра, например, не дает монголо-татарам переправиться на противоположный берег. «Шла же эта сила во Киев-град. Мостила мосточки калиновы: Они днем мосты мостят, а матушка Непра-река ночью повыроет...»

Образы некоторых животных в былинах представляют не только врагов, но и в какой-то мере персонификацию сил природы, присущую мышлению древнего человека. Таковы, например, змей, с которым приходится сражаться богатырям Добрыне и Потоку; сказочные звери на заставе, с которыми борется Дюк Степанович; Тугарин, Идолище, которых побеждает Илья. В былинах звери разумеют человеческий язык, помогают людям в их бедах и несчастиях. Туры разговаривают друг с другом, иногда они беседуют и с богатырями. Весьма важная роль в мифах и фольклоре всех народов отводится животным и птицам. В русских былинах людям в труде и бою часто помогает конь. У Ильи конь умеет говорить. В былине «Илья и Святогор» он пробуждает спящего хозяина: «Дай же ты, Илья Муромец! Спиши себе прохладаешься. Над собой невзгодушки не ведаешь...» В былине «Иван, гостиной сын»

¹ Повесть временных лет. М.—Л., 1950, ч. I, с. 198.

с богатырем разговаривает «человеческим, русским языком» его Бурочко. В былине «Данила Игнатьевич и Михайла Данилович» конь предупреждает об опасности. Подобных примеров можно привести много¹. Внешне конь богатыря ничем не примечателен (например, Лохматый Бахмет Дюка Степановича). Конь русских богатырей не имеет крыльев и не летает, как крылатые кони «тулпары» эпоса тюркоязычных народов², однако какие-то традиции скачка-полета сохранились в былине «Илья и Соловей-разбойник». О Бурушке Ильи Муромца говорится:

Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать.
С холмы на холм стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал...

Этот образ летающего коня сохранился в выражении «конь во-роной». Ворон и конь здесь как бы сближаются.

Недобрым вестником в былинах является ворон³. В былине о «Вольге» (Волх Весеславич) царица Панталовна говорит своему мужу, что видела сон: черному ворону выклевали перья малые птицы, после этого Вольга опустошил их «Турец-землю». В былине «Два брата, два витника» ворон предупреждает о приходе на Русь литовских войск, и князь Роман «сам обернулся черным вороном».

У каждого народа в фольклоре своя поэтическая образность. Не может быть одинаковых художественных образов в творчестве кочевого — скотоводческого народа и народа оседлого — земледельческого, у народа, живущего в горах, и у народа, живущего на равнине или на берегу моря. Русские былины создавались земледельческим народом, обитающим в стране, где были лес и степь, равнины и горы. Это отразилось в художественных образах.

Поэтика героических былин создавалась на протяжении многих веков. Им присущи сюжетность и повествовательность, единообразие композиционных принципов и образов.

Несмотря на то что былинная Русь занимает громадное пространство, герои переносятся с одного конца ее на другой со сказочной быстротой. В эпоху создания эпоса не было умения понимать время и пространство обобщенно, поэтому всегда изображается только один театр действия, только то время, в которое осуществляется действие, только то пространство, в котором действует герой. Певцы еще не научились изображать два или три события одновременно.

¹ Так, в сербской песне «Смерть королевича Марко» конь Марко, предчувствя беду, начал спотыкаться и «ронять слезы».

² Крылатый конь Байчибар имеется у героя узбекского эпоса Алпамыша; у Кероглы конь Гират имеет не только крылья, но и плавает, так как вышел из озера.

³ Эпическая геронка имеет общие черты у разных народов. Напомним, что в эпосе сербского народа «Царь Лазарь и царица Милица» вороны приносят Милице весть о поражении сербов на Косовом поле. Артур — имя одного из самых популярных героев средневековой литературы (короля Артура) — расшифровывается в кельтской мифологии как «ворон» (очень черный). Вороны — «хранители Британии» и в наше время живут в Лондонском Тауэре, и на содержание их правительство ассигнует специальные средства.

Иногда объединяются события, разделенные десятилетиями, даже сотнями лет. Люди, как правило, не стареют и появляются уже со сложившимися характерами и привычками. Певец изображает события объективно, не высказывая к ним своего отношения. Иногда произведение начинается с запева (например, в былине о Соловьеве Будимировиче: «Высота ли, высота поднебесная...»). Запев обычно не связан с повествованием. Когда запева нет, его заменяет зачин, в котором указываются время и место действия, рассказывается о главных персонажах. Зачин рассказывает часто о выезде богатыря: Илья Муромец едет в Киев из Мурома, Михайло Казаринов — из Волынца, Дюк Степанович — из Галича. Заchin вводит слушателя в действие былины: появляется богатырь, начинается нашествие, богатырь встречается с врагами в поле, пир у князя Владимира. Действие развивается быстро, не прерывается отвлекающими описаниями и эпизодами. Слушатель захвачен тревогой: он ждет, чем же кончится столкновение богатыря с врагами. Ведь от этого зависит судьба народа. Несмотря на то что исторически между началом монголо-татарского нашествия и его свержением пролегли столетия, в былинах желаемое выдается за действительное: захватчики сразу получают отпор. Движение сюжета развивается последовательно. Когда подвиг совершен, былина заканчивается. Исследователь былин А. П. Скафтымов писал: «Исключительная сосредоточенность рассказа на действиях героя создает решительное преобладание динамики над элементами статики. Отсюда эта непрерывность и стремительность слитных предложений с множеством сказуемых и при одном подлежащем и незначительном количестве самых необходимых второстепенных членов, вошедших в речевую ткань лишь для указания объекта и направления действия главного лица»².

У автора былины нет индивидуального лица: выражается коллективное общеноародное представление об историческом явлении, нет и индивидуализированной авторской речи. Язык былин, как и всех других произведений эпоса, отобран тысячелетней традицией, прекрасно передает их сущность и служит важной и благородной задаче воспитания человека.

Нередко в былинах использована тавтология («клич кликать», «дождь дождит»). В некоторых былинах наблюдается повторение последнего слова одной строки в начале другой (палиология):

А конь под ним, как бы лютый зверь,
Лютый зверь конь — и бур космат.

Приемами тавтологии и палиологии акцент ставится на важном, существенном, достигается большая плавность рассказа, он лучше запоминается, течение речи приобретает значительность и неторопливость.

Богатыри в былинах всегда одного возраста: Илья — «старый казак», хотя ему 33 года, Добрыня — «молодой» и т. д.

² Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин.— В кн.: Русская фольклористика. Хрестоматия. М., 1971, с. 261.

В былинах используется сравнение. Так, Илья Муромец «на коне сидит, подобно как столетний дуб». При метафоре признаки одного предмета переносятся на другой, при сравнении исходный образ сохраняется, но сближается с другим по сходству. Типичны для былин и отрицательные сравнения:

Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкатилося,
Выезжал тут добрый молодец,
Добрый молодец Илья Муромец...

Былины предназначались для устного исполнения. Для того чтобы слушатель мог легче понять содержание, певец повторял несколько раз одно и то же.

В древнейшие времена три считалось священным числом. Это первое число, с которым связано представление о множественности: в нем есть начало, есть конец и есть середина. В эпосе многих народов говорится о трех главных героях; в русских былинах — об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, в «Калевале» — о Вейнемайнене, Илмаринене, Леминкайнене, в «Витязе в тигровой шкуре» — Тариэле, Автандиле, Придоне. Богатырям три раза задаются вопросы, они три раза вступают в битву и т. п. Используя число три, хотят показать, что описываемые события были очень важными, от их решения зависело многое в судьбе людей или что борьба длилась долго. Подобный прием повторения усиливает художественное впечатление от отрывка, заставляет напряженно ожидать исхода описываемого явления.

Слово в былинах очень выразительно. Особенno важное значение придается эпитету. Эти прочно закрепившиеся определения выделяют предмет из ряда других, ему подобных, говорят о качестве, материале, показывают различные отличительные признаки, выражают чувства и отношения героев друг к другу, содержат оценку предметов и явлений окружающего мира. В былине каждое лицо — враги и друзья характеризуются определенным эпитетом, часто эти эпитеты становятся постоянными. Так, богатырь определяется, как мы уже отмечали, добрым молодцем, старым казаком, дружина — храбрая, голова — буйная, плечи — могучие, очи — ясные, сердце — ретивое, руки — белые, ноги — резвые, уста — сахарные, сабля — вострая, копье — булатное, стрелочка — каленая, лук — тугой... разрывчатый, конь — добрый, подпруги —шелковы, стремена — золотые, поле — чисто, реки — быстрые. Враги, наоборот, — поганые, злые. Певец смотрит на событие глазами своего народа. Он всегда русский, поэтому даже сам Калин-царь в былинах называет своих соплеменников «погаными». Применение эпитетов меняется крайне медленно в зависимости от изменения оценки явления или предмета в сознании народа, от перемены художественных задач создателей произведений фольклора.

Усилиению и уточнению содержания подчинены и различные повторения слов и синонимов: биться — ратиться, руда — кровь, конь — лошадь, добрая, сильные — могучие (богатыри). Иногда

применяются синонимы с синонимической перефразой: «*побитца, радратца, поратата, силы богатырской приотведати, а могучи плечи преоправити*». В былинах встречаются синонимические группы («*а ныне молодцу кручина великая и печаль немалая*», «*тут Илье за беду стало, а за великую досаду показалось*») и синонимические предложения («*а утоптана трава, утолочена мурава*», «*по забудеш всю великую кручинушку, пооставить всю злодейную обидушку*»).

Синонимия органически связана со структурой стиха, с различными художественными средствами: с тавтологией, синтаксическим параллелизмом и т. п., причем здесь, как уже отмечалось исследователями, достигается необыкновенное богатство вариантов.

В былинах редки метафоры, они применяются, когда нужно выразить гнев или негодование: Калин-царь называется собакой, Илья ругает своего коня «волчья сыть, травяной мешок».

В лирической поэзии метафора благодаря своей иносказательности придает личным чувствам и переживаниям обобщающий характер. В эпосе явления жизни, события и герои «настолько высоки, совершенны и прекрасны, обладают сами по себе настолько широким общеноародным интересом, что не нуждается ни в какой метафоричности. Они не требуют никакой подстановки, замены, соотнесения их с образами из других областей жизни, например — из природы»¹.

Былины отразили героическую тему, как она трактовалась в феодальную эпоху. Военное искусство этой поры имело свои особенности: настоящим воином считался всадник. Бой, как правило, представлял собой сумму поединков между отдельными воинами и велся без четкой организации и управления. Войско было немногочисленно, до XIV века пользовались исключительно холодным оружием. Однако и в это время на Руси развивалась не только конница, но и пехота. Взаимодействие и согласованные выступления конницы и пехоты обеспечили победу русским в Ледовом побоище и Куликовской битве.

На протяжении многих веков былины служили животворным источником патриотизма. Народ черпал в них силы и уверенность в победе над врагами. Былины способствовали осознанию необходимости централизованного Московского национального государства, консолидировали силы для борьбы с монголо-татарским игом. Народ обращался к былинам и образам былинных богатырей и в последующие столетия, когда над родиной нависала опасность иноземного порабощения.

В годы Великой Отечественной войны сказительницей М. С. Крюковой после захвата немецко-фашистскими войсками Киева был создан новый сказ о богатырях. В древние времена богатыри окаменели, но когда родина подверглась нашествию, снова вступили в борьбу:

¹ Пропп В. Я. Русский героический эпос, М., 1958, с. 523.

А и вот тогда, тогда наши богатыри
Просыпаются да пробуждаются,
Приоткрыли-то свои да очи ясные,
Они вскочили-то де на резвы ноги.
Размахались у них ручки белые,
Могучи плечи да шевелились,
Лепота в лице переменилася.
Богатырские сердечушки растревожились...

Русский героический эпос выразил древнее миропонимание русского народа, его думы и надежды, воплотил его представления о военной доблести, о любви к родине.

Былины вдохновляли многих поэтов, композиторов и художников. Приведем некоторые примеры. Н. М. Карамзин написал поэму «Илья Муромец». Одним из лучших литературных произведений, изображающих этого богатыря, является баллада А. К. Толстого «Илья Муромец». Главный герой русского эпоса привлек поэта своим патриотическим служением родине, близостью к народу.

Выход в свет «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова в 1804 году способствовал появлению былин и сказок на материале национальной романтической поэмы у К. Н. Батюшкова и В. А. Жуковского. А. С. Пушкин создал поэму «Руслан и Людмила», в которой использовал былинные и сказочные образы и эпизоды (свадебный пир в гриднице князя Владимира, битва киевлян с печенегами); повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» связывает с былинами основной сюжет произведения — народную войну. В. Г. Белинский писал: «Если в наше время возможна гомерическая эпopeя, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип¹. Значительный интерес проявил к былинной поэзии М. Ю. Лермонтов. В 1830 году он записал в тетради: «Если захочу вдаваться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях». Образ купца Калашникова в «Песне про царя Ивана Васильевича» близок к образам былинных героев, хотя он и не выступает как защитник родной земли. Калашникову присущее стремление «постоять за правду до последнего» — это мужественный, самоотверженный, чуждый холопства человек, действующий во имя долга и чести. М. Ю. Лермонтов творчески воссоздал стиль былины. Былины оказали воздействие на творчество писателей — Н. А. Некрасова, А. К. Толстого, А. А. Блока, С. А. Есенина; В. В. Маяковского; композиторов — А. П. Бородина, Н. А. Римского-Корсакова; художников — В. М. Васнецова, В. И. Сурикова.

Былины хранят память о том периоде истории, когда русские, украинцы и белорусы составляли единый народ и героически боролись за свою независимость и свободу.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 1, с. 304.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РУССКОГО НАРОДА В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Исторические песни представляют собой музыкально-поэтические произведения, рассказывающие об исторических событиях.

Фольклористы полагают, что исторические песни появились как продолжение былин¹. Однако возникнув, они сами воздействовали на былины.

Предметом изображения в исторических песнях являются отдельные факты политической истории народа, эпизоды из жизни государственных деятелей, военачальников и народных вождей. «Исключительно важной особенностью исторических песен является то, что они изображали определенных исторических лиц, а не широко типизированные образы богатырей, а это требовало индивидуализации образов, что было новым этапом в истории фольклора, в изображении человека»².

В исторических песнях меньшую роль играет вымысел, нет монументальности, обобщения, которые присущи эпосу, фантастики и гиперболы. События излагаются объективно, автор не вмешивается в их развитие. Действие протекает быстро, поэтому в песнях отсутствуют развернутые описания, замедления, повторения и укращенность повествования. В отличие от былин в исторических

¹ См.: Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество. М., 1972, с. 37.

² Кравцов Н. И. Славянский фольклор. М., 1976, с. 176.

песнях дается изображение внутреннего мира человека. Былины существовали столетиями, жизнь исторических песен короче: одни песни сменялись другими. В конце XVIII века уже не распевали песен, сложенных в начале этого столетия, при Петре I.

В исторических песнях большое значение придается не только силе героя, но его разуму, сноровке, хитрости. В одной из ранних песен — «Авдотья Рязаночка» — простая русская женщина разгадывает загадку, заданную царем Бахметом, и благодаря своему уму и любви к родному народу возвращает соотечественников из монголо-татарского плена. Исторические песни имеют острый, захватывающий сюжет, они показывают, с каким трудом «собирал» русский народ родную землю, сколько пролил за нее крови.

На Руси исторические песни появились рано. В ранних исторических песнях эпические сюжеты «постепенно сменяются сюжетами хотя и вымышленными, но вырастающими на основе определенных конкретных фактов»¹. В литературном произведении XIII века, рассказывающем о разгроме Рязани монголо-татарами в 1237 году, — «Повести о разорении Батыем Рязани» — сохранился рассказ о Евпатии Коловрате. Этот сюжет взят из не дошедшей до нас исторической песни. Рязанский воевода Евпатий Коловрат возвратился на родную землю и увидел ее опустошенной. С небольшим отрядом воинов он бросился вовсед Батыю. Произошло кровопролитное сражение. «И смятошася все полки татарскыя, татарове же сташа яко пияны или неистовы. Еупатий тако их бъяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля [брал] татарские мечи и сечаша их...» Монголо-татарские военачальники говорят Батыю, что они во многих землях воевали, «а таких удальцов и резвецов не видали». Повесть об Евпатии Коловрате, прославляющая подвиг русских воинов, содержит некоторые эпические детали, присущие былинам. Имя же богатыря Хостоврула, или Таврула, которого Евпатий рассек «на полы» (до седла), близко к былинным именам: Бахмет Тавруевич, Возвяг Таврольевич.

В повести об Александре Невском имеется сюжет старинной исторической песни о героях-новгородцах, в «Сказании о Мамаевом побоище» и в «Задоншине» содержатся следы не дошедших до нас народных исторических песен; в поздних записях сохранились исторические песни: «Татарский полон», «Щелкан Дудентьевич». Песня «Щелкан Дудентьевич» — отклик на тверское восстание 1327 года, когда был убит монголо-татарский баскак². Идейная направленность песни заключалась в стремлении внушить мысль о необходимости борьбы с игом.

Своего расцвета исторические песни достигли в XVI веке. Песни, возникшие при Иване Грозном, объясняли его военную и политическую деятельность, осуждали изменников бояр, однако не умалчивали о подозрительности и жестокости царя, его неразбор-

¹ Русское народно-поэтическое творчество. М., 1956, с. 182.

² Баскак — представитель ханской власти и сборщик дани.

чивости в средствах борьбы с врагами. В исторических песнях народ воспел осаду Казани (1552 г.), причем оценил ее как исторически неизбежное, прогрессивное явление. Почему именно это событие было запечатлено в песнях? В представлении народа победа над Казанью положила конец монголо-татарскому господству. Борьба с монголо-татарской и турецкой агрессией — важная тема не только русского фольклора. В украинских героических народно-эпических песнях-думах, например, ей посвящены произведения «Козак Нетяга», «Отоман Матяш Старый», «Разговор Днепра с Дунаем».

Казанское ханство образовалось в результате распада Золотой Орды. Оно занимало пространство между Волгой, Самарой, по обоим берегам Камы и закрывало Волжский водный путь. Казанские ханы задерживали и грабили суда, идущие с грузами по Волге, совершили набеги на русские города, разоряли их и уводили в плен жителей. В отдельные времена в казанской неволе томилось до 100 тысяч русских пленников. Грабежом на Волге промышлял и астраханский хан. Если купеческим судам удавалось благополучно пройти мимо Казани, их поджидали грабители у Астрахани. Вот как описывает свою встречу с ними известный русский путешественник Афанасий Никитин: «Поехали мимо Астрахани, а месяц светит. Царь нас увидел, а татары кричали нам: «Не бегите! А мы того не слыхали ничего. А плыли мы на парусах. И царь послал тогда за нами всю свою орду, и за грехи наши настигли нас на Бугуне, застрелили у нас человека, а мы у них двух. Судно наше малое остановилось на езу (заграждение на реке, устраивается для задержания и ловли рыбы — А. К.), они взяли его и тотчас разграбили...»¹.

В 1451 году казанский хан Махмутек напал на Москву (не смог взять Кремль) и сжег город. Перед русским народом встала задача сокрушить вражеский форпост. В 1552 году Иван IV собрал русское войско и подошел к Казани. В исторической песне о взятии Казани поется:

А из сильнова Московска царства
Подымался великой князь Московски
И Иван сударь Васильевич прозритель,
С темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками,
Подходили под Казанское царство за пятнадцать верст,
Сталившись оне подкопью под Булат-Реку,
Подходили под другую под реку под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору становили,
Подводили под Казанское царство.

Героем песни является не только царь Иван Грозный, но и простой пушкарь. В песне рассказывается, как «казанцы» ходят по стенам: «Оне грозному царю да насмехаются: «Не бывать нашей Казани да за белым царем!» Однако, как это часто бывает в на-

¹ Хождение за три моря. М., 1958, с. 71—72.

родной поэзии, самоуверенность не приводит к хорошему. Под стены города русские воины заложили мину, на пороховой бочке зажгли свечу, для того чтобы знать, когда произойдет взрыв, Одновременно была зажжена такая же свеча в русском лагере. Свечка в палатке сгорела, а взрыва все не было. Царь, заподозрив измену, хотел казнить пушкарей¹. Пушкари перепугались, начали хорониться один за другого. Сохранил присутствие духа лишь молодой пушкарь (канонер), который «приотважился» объяснить царю, почему свеча в лагере сгорела раньше.

Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты великий сударь, князь московский!
Не вели ты нас, каночеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идеттише».

Наконец бочка с порохом в подкопе взорвалась и «разбросала белокаменны палаты»².

Несмотря на некоторые исторические несоответствия в деталях, песня правильно представляет взятие Казани. С падением Казанского ханства народы Среднего Поволжья были освобождены и вошли в состав Российского государства, открылся торговый путь в Сибирь, Урал, Кавказ и в страны Востока:

Он [Иван IV] взял с него [татарского царя Симеона]
царскую корону
И снял царскую перфиду,
Он царский костьль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство,
И тогда-де Москва основалась,
И с тех пор великая слава.

Исторические песни рассказывали и о борьбе русского народа с крымскими ханами. Крым был захвачен монголо-татарами после поражения русских князей в 1223 году на реке Калке. Крымское ханство возникло в XV веке после распада Золотой Орды. Крымцы тоже нападали на русские города и уводили пленников. Борьба с

¹ Это соответствует исторической действительности — подкопы и взрывы сыграли большую роль во взятии Казани: 4 сентября под Муравлевыми воротами был взорван «тайник» с единственным источником проточной воды; 30 сентября были произведены взрывы у Арских, Царских и Аталаховых ворот, в результате чего русским удалось завладеть удобными для переправы через ров местами; 4 октября во время штурма были взорваны Арские и Ногайские ворота.

² Не случайно это внимание авторов песни к канонирам-артиллеристам. Исторически они сыграли важную роль во многих войнах: первые пушки появились в России в конце XIV века. Во времена похода под Казань в войске Ивана Грозного уже имелось 150 больших и средних орудий. Однако до XVII века артиллерия в России сохраняла ремесленную цеховую организацию: пушкари отливали пушки и сами же стреляли из них. Как род войска артиллерия в Русском государстве появилась в 1694 году, когда в Преображенском полку впервые была создана бомбардирская рота, в которой Петр I прошел службу от рядового бомбардира до капитана. Эта должность сохранилась за ним всю жизнь в качестве почетной. Об этом рассказывается в песнях. В 1701 году началось формирование первого артиллерийского полка.

ними велась несколько столетий, начиная с царствования Василия III. Вместе с русскими в борьбе с турками и монголо-татарами принимали участие украинский и другие народы.

В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей напал и сжег Москву. В следующем году он совершил новый набег, но был разбит в 50 километрах от Москвы на берегах Лопасни при Молодях. Русскими войсками командовал князь М. И. Воротынский. За три года до этого, в 1569 году, отборная турецкая рать была разбита под Астраханью. Эти разгромы под Астраханью и при Молодях навсегда остановили турецко-татарскую экспансию в Восточной Европе.

В 1558—1583 годах Россия вела Ливонскую войну за выход к Балтийскому морю. В песнях последовательно изложено начало войны, рассказано, каким путем польский король Стефан Баторий двинулся на Россию; как «мимоходом» взял Полоцк, «насквозь прошел» Великие Луки, осадил Псков. Король потребовал от русского воевода Семена Константиновича Карамышева сдать город без боя. Воевода с достоинством отверг это предложение:

— Блуден сын король с королевичем,
С паном гетманом Ходкевичем,
И с воинским конем Вороновичем!
Не отдам я тебе город без боя,
Без боя и без драки великия,
И без того уголовия смертного!

Началось сражение, в котором русским одержать победу, как и в произведениях древнерусской литературы, «бог помог»:

Побил силу королевскую,
Всех латничков, сиповщиков
Кольчужников, барабанщиков;
Насилу король сам-третей убежал.

Кончается песня традиционным в фольклоре заклятием короля не идти на Русь воиною:

Бегучи он, собака, заклинается:
— Не дай, боже, мне на Руси бывать!
Ни детям моим и ни внучатам!..

Исторические песни XVII века отличаются от предшествующих песен более широким охватом исторических событий. В них рассказывается о «смутном времени»: о М. В. Скопине-Шуйском, о Минине и Пожарском, о походах казаков под Азов, о восстании под предводительством Степана Разина. В этих песнях происходит дальнейшая конкретизация понятия «родная земля», формируется понятие «отечество», которое становится синонимом слова «родина». Русская народность постепенно складывается в нацию, укрепляется единое централизованное государство.

В XVII веке в создании исторических песен принимают участие различные слои населения: «ратные люди государевых полков», «солдаты новобраные» (набранные из крестьян и различных бро-

дячих людей), наконец, городские и посадские люди. Все это отразилось не только на тематике, но и на характере песен.

Песни становятся более краткими, рассказывают о нескольких эпизодах, связанных между собой, но несмотря на это содержание песен становится многоглавым. Действующие в них персонажи характеризуются немногими, но выразительными реалистическими чертами.

В общей системе фольклора патриотическая тема в это время приобретает важное значение.

В начале XVII века казалось, земля не просыхала от пролитой крови, обезлюдили города и деревни. В это время шведские и польские феодалы, воспользовавшись обострением внутренних противоречий Русского государства, организовали интервенцию с целью захвата русских земель. Перед лицом иноземной интервенции народ поднялся на защиту родной земли. В результате героической борьбы враг был изгнан. Все эти события отражены в исторических песнях.

В исторических песнях запечатлен и образ талантливого полководца этой эпохи — князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского¹. Князь Михаил Васильевич Скопин едет в Новгород собирать силу для борьбы с врагами. В песне поется:

Собирал ен мужчиков да новгородских,
Говорил ен мужчикам да новгородским:
«Ай же, мужчики вы новгородские!
Соберите-тко мне сиушки сорок тысяч...

В 1609 году Скопин-Шуйский победил войска Лжедмитрия II — под Торжком и Тверью; в марте 1610 года освободил от осады Москву.

А кому будет божья помочь —
Скопину князю Михайлу Васильевичу:
Он очистил царство Московское
И велико государство Российское.

Победитель был встречен как спаситель России (заметим, что этот же Скопин-Шуйский в 1606 году по приказанию Василия Шуйского нанес поражение крестьянскому войску Болотникова у Серпуховских ворот Москвы и под селом Коломенским). В Москве Скопин-Шуйский начал готовиться к новому походу на поляков, но в апреле 1610 года, на пиру у князя Ивана Воротынского, заболел и скончался. Неожиданной смерти было посвящено много песен. Народная молва приписала ее отравлению ядом, который якобы подсыпала в питье жена Дмитрия Шуйского Мария (на самом деле Екатерина — дочь известного руководителя опричнины Малюты Скуратова-Бельского) — «кума крестная, змея подколодная». Дмитрий Шуйский, брат царя Василия Шуйского, завидовал военному успеху

¹ М. В. Скопину-Шуйскому (1586—1610) посвящены: 1) повесть, сохранившаяся в двух версиях XVII века; 2) историческая песня-былина, дошедшая до нас в ряде вариантов XVIII и XIX веков; 3) лирическая песня, записанная в 1619—1620 годах в Архангельске для английского бакалавра Ричарда Джемса.

своего племянника и убрал его со своего пути. Князья и бояре отнеслись к этой гибели с иронией: «усмехнулися: высоко сокол поднялся и о сыру матери-землю ушибся». Делагарди вынужден был признать достоинства Скопина: «Московские люди,— сказал он,— не только в вашей Руsie, но и в землях государя моего, не видеть уже мне такого человека».

В одной из исторических песен (эта песня близка к причитанию) рассказано, как тяжело переживали смерть Скопина-Шуйского московские торговые люди:

А теперь наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила...

Много исторических песен, посвященных военной геронке, в XVII веке было сложено среди казаков. До XVII века царское правительство не могло подчинить себе казацкие общины, создавшиеся недовольными ростом эксплуатации и крепостнического гнета крестьянами и «работными людьми», бежавшими в районы Дона и Поволжья, которые постепенно стали центрами народных выступлений. Казачье войско боролось с турецкой и польской агрессией, казаки трижды отвоевывали у турок стоявшую в устье Дона крепость Азов (1590, 1637 и 1696 гг.) — события, которые были широко отражены в литературе и фольклоре. Азов был важным стратегическим и торговым пунктом при выходе в море, и русский народ придавал этой крепости большое значение.

В песне «На славным тихим Дону, во Черкасским славном городу» казаки про Азов-город говорят:

Да не дай же, боже, уму-разуму
Как турецкому шельме паше,
Не построил бы он своей башни
На Узбеке славном Калаче,
Не заставил бы свои он цепи
Через батюшку он синий Дон,
Да нельзя нам будет казаченькам
По тихому Дону погулять,
Нам ни лодочкой, ни корабличком,
Ни сухим бережочком.

В песне отмечено значение, которое имел Азов в осуществлении набегов турок-османов и крымцев на русские земли. «Из черного моря» турецкие корабли идут к русским землям. «Персидский шах» говорит «турецкому королю»:

Как не полно та тебе турецкий король,
Со белым та царем тебе воевать.
Время тебе, турецкий король,
Со белым царем помириться.

Султан отвечает:

— Как пройду я мать силу Расеюшку,
Тогда я с белым царем помирюсь.

В центре этих песен стоит образ находчивого, умного, уверенного в своих силах простого воина-казака, который в борьбе с врагами может оказать помощь самому царю. В песне «Взятие Азова» появляется распространившаяся в позднейшем фольклоре ситуация:

государь просит у князей и бояр совета, как взять крепость. Бояре и князья не дают ответа — «тулятся» один за другого. Смело выступает казак. Он предлагает взять Азов-город хитростью. Царь следует его совету.

Пятьсот они тележек снарядили,
По пяти туды казаков положили,
Они черными юфтами накрывали,
Как булатными гвоздцами обивали,
Еще они другие пятьсот тут снарядили,
Мякотным-то товаром нагрузили,
И туды же к Азову пропустили...¹

Исторические песни допускают вольное истолкование событий, им присущ элемент фантазии. Исторически достоверно, что во время осады Азова казаки подвели под крепостную стену подкоп, взорвали мину и ворвались в город.

Не больше реальных подробностей и во второй части песни «Взятия Азова», где рассказывается о том, как на осажденных османов нашла тьма и они изрубили друг друга. Позднее песня о взятии Азова в 1637 году претерпела изменения, и указанные эпизоды приписывались уже походу русских войск к этой крепости в петровское время — в 1696 году.

В исторических песнях все большая роль отводится простым людям. Со словом «казак» в песнях ассоциируются понятия товарищества, дружбы, верности долгу. Казаков ласково называют «казаченки», «удалые молодцы», «добрые молодцы», «ясные соколы». В целом в казачьих песнях меньше, чем в других исторических песнях, реальных исторических фактов, больше поэтического вымысла и чувства.

* * *

*

К сожалению, не сохранилось песен о крестьянской войне под предводительством И. И. Болотникова (1606—1607 гг.). Из литературных источников известно, что в лагере восставших крестьян пели песни о московских воеводах. Плясовая песня «Комаринская» связывается фольклористами с Комаринской волостью (Комарицкой) Орловщины, где начиналось это восстание. В этой песне нет рассказа о событиях и только намечается образ народного героя.

В исторических песнях XVII века появляется фигура вождя крестьянского восстания — Степана Разина. О русских исторических песнях XVII века, посвященных Разину, с большой похвалой отзывался Карл Маркс. Он ценил их за выражение народного недовольства и протеста.

¹ Подобная ситуация известна в литературе со временем «Илиады»: Одиссей, например, проник в Трою в одежде нищего, «образ принял чужой». «Многих из них [тroyиц] длинно-острою медью меча умертвивши, выведал в городе все он и в стан невредим возвратился». Греки построили «священного коня», в котором спрятались воины. Троянцы, не подозревая хитрости, втащили коня в город и были умерщвлены этими воинами.

Песни показывают, как в начале восстания, когда борьба носила ярко выраженный стихийный характер, казаки стремятся к личному обогащению:

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удалий добрый молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами казаками думу не думывал;
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак.
Он думал крепку думушку со голытьбою:
«Судари мои, братцы, голы кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобъемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветиое,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

Позднее восставшим не нужны ни казна, ни «цветно платье»:

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река матушка Камышеника,
Что вела-то, за собок берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку,
Как по той ли реке матушке Камышенке
Выпзывают ли стружечки есаульские.
На стружечках тех сидят гребцы бурлацкие,
Все бурлаки, все молодчики заволжские.
Хорошо все удальцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На плечах у них кафтаны однорядочны;
Канаватые бешметы в нитку строчены;
Галуном рубашки шелковы обложены;
Сапоги на всех молодцах сафьяновы.
Они веслами гребли да пели песенки.
К островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали губернатора¹.
Как возговорят бурлаки тут удалье:
«Еще что-то на воде у нас белеется?»
Забелелися тут флаги губернаторски:
Кого ждала-поджидала того ляд несет».
Астраханский губернатор догадался тут:
«Ой, вы гои еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золоты казны, что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторско,
Бы берите все диковинки заморские,
Вы берите все вещицы астраханские».
Как возговорят удали люди, вольные:
«Как твоя не дорога нам золота казна,
Нам не дорого ни платье губернаторско,
Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские —
Дорога нам твоя буйная головушка».

¹ Должность губернатора учреждена в России Петром I в 1708 году, т. е. значительно позднее описываемых в песне событий. В данном случае губернатором назван представитель боярско-дворянской власти — воевода.

Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили головку в Волгу-матушку.
Сами молодцы ему тут насмеялися:
«Ты доброе, ведь, губернатор, к нам строгоонек был,
Ты, ведь, бил нас, ты губил нас, в ссылку ссылывал,
На воротах жен, детей наших расстреливал!»

Прорвалась веками накапливаемая в народе ненависть к угнетателям. Восставшие разинцы взяли Астрахань, казнили многих стрелецких начальников и воевод.

Метался Стенька Разин на угольную башню,
Что в великого раскату воеводу бросил...¹

Народ ненавидел бояр и казнь их выставлял делом правосудия. В песнях рассказывается, как ведут попавшего в плен астраханского воеводу князя Прозоровского на казнь. Казаки вспоминают старые обиды: побои, расстрелы, ссылки. Они убивают своего обидчика, но щадят его жену и детей, хотя воевода не жалел их жен и детей, когда те оказывались в его власти.

Песни о Разине впервые в фольклоре с небыvalой до этого силой высказали страстное стремление всего народа к освободительной борьбе, выразили сложность и противоречивость этого движения, громадный размах и неопределенность целей. Казаки и крестьяне разинского восстания не могли подняться до осознания общности своих интересов, верили в доброго царя, защитника от помещичьего произвола.

Казачья масса не была однородной по социальному составу: были казаки богатые и бедные (голутвенные). В документе того времени говорится: «Ныне у донских казаков и меж собою стала разница, и говорят-де они — донские казаки, что им на Дону стало жить худо и от старших их изгоня, а атаман-де Корнила Яковлев учал знатца с бояры, им, казакам, не радит».

Песни отразили борьбу между этими группами: «В казачий круг Степанушка не хаживал, Думы думал атаманушка с голытьбой...»

Сочувствие народа к разинскому движению выражено и в песнях о «сынке» атамана. Казаки посыпали во многие города своих лазутчиков — «сынков», которые старались выведать силы врага, агитировали местное население, подготовливали прибытие повстанческих отрядов. Образ «сынка» в песнях является обобщенным образом такого разведчика. Иногда разинские «сынки» попадали в руки властей, и здесь их ждали пытки и смерть. В песнях «сынки» ведут себя смело и с достоинством даже перед лицом смерти, они не страшатся царских воевод и грозят им приходом самого «батюшки» Степана Разина.

Эх де, не боюсь я, сударь губернатор, камениой,
Каменной твоей тюрьмы,
Эх де, мой батюшка роженый сейчас я...
Сейчас явится ко мне,

¹ Песня рассказывает о реальных фактах. В Шарицыне Разин сбросил с башни в реку воеводу Тургенева; заняв Астрахань, сбросил с колокольни воеводу Прозоровского и т. п.

Эх де, белу каменну твою тюрьму по камешку...
По камешку разберет.
Эх де, тебя ли, сударь губернатор, во полон,
Во полон к себе возвьмет.

Разин сравнивается в песнях с соколом, у которого опалены крылья. В песне «Ой, загорелась во поле ковылушки» поется:

Е-ой да, подпалили ясному соколу
Вот и, ему правое, братца крыло.

В песне «Ой-да вы туманы мои» атамана называют солнцем, себя казаки величают «помощниками», «невольничками». «Мы «не воры, не разбойники» — поют они о себе. Враги уподобляются «черному воронью», которое насмехается над попавшим в беду соколом. Горе казаков олицетворяется в образе «непроглядного», «ненавистного» тумана, который не может подняться с синего моря.

Казачьи песни в целом отличаются удивительным оптимизмом. Казаки обращаются к солнцу с просьбой, чтобы оно обсушило их, заклинают дождь размочить «стены каменной тюрьмы» и освободить находящихся в неволе товарищей. Даже после поражения восстания казаки не утратили своей веры в победу. Находясь в плену, Разин просит своих единомышленников не оставлять его, он уверен, что борьба возобновится и они отстоят «жизнь вольную, свободную».

Тонко подмеченные реалистические черты сочетаются в песнях с фантастической трактовкой образа атамана. Разин изображается чародеем, умеющим предсказывать будущее свое и своих товарищ. Подобно былинному или сказочному герою, он проходит сквозь стены, достаточно ему нарисовать лодку на песке или стене, чтобы казаки чудесным образом освободились из темницы и оказались на вольном речном просторе. Атаман может заговаривать пули и тюремные запоры. В одной из песен о взятии Астрахани он говорит пушкарям и воеводе, которые намереваются стрелять в него:

И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте,
Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет...

Эта ситуация исторических песен встречается и в преданиях. Предания обычно имеют историческую тематику и близки к историческим песням, хотя излагают события не в стихотворной, а прозаической форме.

Народные предания повествуют о том, что по Разину не могли выстрелить пушки города Царицына. Придворный И. Дашков, например, доносил царю 29 июля 1667 года, что слышал от симбирских судовых рабочих, будто атамана не берут ни пушки, ни пищаль, ни сабля. Своим чародейством Разин спасает не только себя, но и свое войско¹.

В исторических песнях рассказывается, что Разин обладал чудесной способностью чувствовать на расстоянии грозящую близ-

¹ См.: Попов А. Н. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1875. с. 23.

ким ему людям опасность. Атаман почуял недобро, проезжая мимо Астрахани, где воевода посадил в темницу его «сынка».

«Еще что-то мне, братцы, ребятушки, тошным стало тошно.
Мне тошным стало тошно и тошнешенько,
Вы подайте-тко воды с-под правой с-под руки».
И над водой-то Стенка волховал и воду взад выливал:
«Видно, мой тут ведь сынок, а сидит в белокаменной тюрьме.
Приворачивайте, ребята, ко кругому бережку,
Уж мы стену разобьем, а и тюрьму по камню разнесем
И в астраханского губернатора в полон к себе возьмем...¹.

Не сохранилось песен о походе Разина в Персию, может быть, их и не было. Широкую популярность в народном искусстве более позднего времени приобрел исторический факт гибели от руки Разина персидской княжны. Летом 1669 года казаки разграбили город Фарабат и расположились на Свином острове в Каспийском море. Здесь на них напал персидский флот под начальством Менеды-хана. Персам не повезло — они были разгромлены; Менеды-хан бежал; его сын и красавица дочь попали в плен. Очевидец восстания Разина немец Страус рассказал, как во время одного из катаний на струге, разгоряченный вином атаман схватил свою пленницу и бросил в Волгу со словами: «Возьми, Волга-матушка! Много ты мне дала серебра и золота и всякого добра, наделила честью и славой, а я тебя еще ничем не поблагодарил!»

Исторические песни содержат поэтический рассказ о гибели атамана. Сидя в темнице в ожидании казни, Степан Разин просит:

Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Меж московской, астраханской, славной киевской,
В головах моих поставьте животворный крест,
В ногах мне положите саблю вострую,
Кто пройдет или проедет, остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моему ли животворному кресту помолится.
Моей сабли, моей вострой напужается...

Погребение на перекрестках дорог, по суеверным представлениям, предполагало скорое воскрешение умершего: могила была у креста, образуемого дорогами.

Образ Разина наиболее поэтический в русском фольклоре. Он воплотил в себе многие яркие черты народного характера.

Разин не скрывал своего «простого звания», говорил, что он — атаман. (Пугачев уже называл себя «ампиратором».)

Любовь к Разину в народе была велика. Люди не хотели верить в его гибель: после казни атамана рассказывали о том, что пленного Разина по дороге в Москву на казнь подменили и он с группой верных казаков ушел в Сибирь — к Ермаку, что будто бы Разин жив, но спит, окованный волшебным сном, но в тяжелое для народа время он придет на помощь. В произведениях фольклора это весьма распространенный мотив. Центральный герой кабардинского эпоса «Нарты» Сосруко, совершив подвиги, не умирает, а живет под землей, чтобы вернуться и поразить своих врагов.

¹ Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Спб., 1873, с. 203.

В сказаниях об Артуре герой древних баллад Артур — не король, а предводитель вольных стрелков «легкого войска» — «уснул», чтобы в свое время проснуться и освободить народ от завоевателей.

В. Г. Белинский с большой похвалой отзывался об исторических казачьих песнях. «Донские казачьи песни можно причислить к циклу исторических,— писал он,— и они в самом деле более заслуживают название исторических, чем так называемые собственные исторические русские народные песни. В них весь быт и вся история этой военной общины, где русская удасть, отвага, молодечество и разгулье нашли себе гнездо широкое, раздольное и привольное. Их и числом несравненно больше, чем исторических песен; в них и исторической действительности больше, чем в последних, в них и поэзия размашистее и удалее»¹.

* * *

Большой интерес представляют исторические песни XVIII века. Развитие фольклора в России отразило сдвиги, произошедшие в это время в экономической и политической жизни страны. Одно из центральных мест в истории России первой четверти столетия занимает Северная война(1700—1721 гг.). Она открыла новый этап в истории России, оказала большое воздействие на развитие национального сознания, в то же время послужила началом целой серии войн, которые пришлось вести народам России в XVIII столетии.

Русский народ сложил песни о Полтавском сражении, о взятии русскими войсками Шлиссельбурга, Риги. С другой стороны, в песнях отразилось разорение народа, восстание стрельцов, крестьянская война под руководством Булавина.

Чем же отличаются исторические песни XVIII века от песен предшествующих столетий? Изменился прежде всего главный герой песен — им стал простой рядовой солдат и собирательный образ коллектива. В России появилась регулярная армия, с ее созданием сражение в фольклоре не представляло теперь сумму поединков отдельных воинов, как это было раньше в Древней Руси. Отныне исход сражения решали объединенные усилия множества людей, сведенных в воинские подразделения, скованных единой воинской дисциплиной и действовавших по законам современной военной науки. К солдатам, как к главной силе, теперь обращаются военаучальники. В песне «Из славного города из Пскова»² Б. П. Шерemetев перед боем спрашивает солдат и драгун, могут ли они «...супротив неприятеля постояти». Солдаты говорят, что готовы «...един за единого умерети».

В песнях дается обобщенный образ битвы, выигранной солдатами, применяется древнее сравнение боя с пашней.

¹ Б е л и н с к и й В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954, т. 5, с. 436.

² Собрание разных песен М. Д. Чулкова. Спб., 1913, ч. 1, № 123.

Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью.
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами.
Боронена Шведская пашня
Солдатскими руками.
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами.
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Близкую картину изображают и украинские песни:

Чорна роля [земля] заорана,
Кулями засіяна,
Білим тілом зволочена,
І кров'ю сполощена.

«Чтобы русские солдаты больше полюбили знамена, под которыми они сражались,— писал один из военных историков XVIII века,— он [Петр] дал русским полкам имена русских земель, и в полку было знамя с гербом той земли, которой назывался полк. Через это солдат почитал себя принадлежностью государства, так как служил в полку, носившем имя одной из частей государства».

В исторических песнях XVIII века солдат знает себе цену. В песне «Петр Первый и молодой драгун» солдат осмеливается бороться с самим царем, причем победу одерживает солдат.

В исторических песнях этой эпохи война изображалась как реальное, бытовое явление, обычное для солдата. Точно отмечалось место, где произошло сражение, называлось имя военачальника, рассказывалось о вооружении войска, о движении воюющих армий, об использовании того или иного оружия: «Запалила тут Шереметева пехота из мелкого ружья из мушкетов. Как не гром перед тучей грянул: Троил пушка разрядилась. У боярина сердце разъярилось. Не сыра земля расступилась. Не сине море всколебалось. Примыкали штыки на мушкеты; Бросили ружья на погоны. Вынимали острые сабли, Преклонили булатные копья. Гнались за шведским генералом до самого города до Дерпта...»

Смелость воспевалась и в песнях древнерусских воинов. Однако в песнях, созданных в XVIII веке, тема мужества и героического служения Родине получила новое и гораздо большее звучание. В XVIII веке народ острее понимал необходимость вооруженной защиты своего отечества. В сознание русских людей все с большей отчетливостью входило понимание национального долга. Солдат воспринимал себя как частицу единого целого, а это целое — грозная, несокрушимая сила, направленная на охрану родной земли.

Песни рассказывают о том, что действия русских отличает стремление лицом к лицу, в открытом поле встретиться с врагом и в штыковом бою решить исход сражения (шведы в слезах жалу-

ются на «лихую» «московскую пехоту», которая «часто на вылазку выступает»), отмечается, что солдаты идут в поход «весело»¹:

...Вы российские солдатушки,
Не робейте, не пугайтесь,
Мы осмелимся, изготовимся,
И рассердимся, освирепимся,
Накормим голодных орехами,
Теми сладкими конфетами.
К самому королю в презент
пошлем,
А министрам-то по подарочку,
Офицерам-то по гостинчику.
Сами придем к нему

с докукою —

Барабанным боем и музыкою,
Мы пехотою будем в гости звать,
Артиллерией станем потчевать.
Трактамент² наш пусть опробует,
Он впредь лучше нас не трогает.

Турецкий визирь — комендант крепости Хотин, которой русские овладели в 1769 году, вынужден признать в песне, что «Российской силы мало. Но в постучках удала: Где один солдат бежит, Тут пять-шесть турок лежит, А где корпус-от бежал, Тут и мост турок лежал».

В песне «Письмо шведского короля», посвященной требованиям шведского правительства, предъявленным в 1780 году России, врагов испугалась сама императрица Екатерина II. От страха перед грозным врагом у нее «подломились скорые резвые ноженьки», опустились руки, Не испугались «генералы» Румянцев и Потемкин. Они обещали устроить королю такой «пир», на котором будет уничтожена вся его сила. В этой песне выражено неверие в женское правление и воспевается умный полководец («крепка рать воеводою...»), умело направляющий неотразимую силу русской армии.

В исторических песнях поэтизируются не только воинская отвага и доблесть, но и военная находчивость и хитрость. Герой исторических песен оказывается хитрее своих врагов, проникает во вражеский стан, примечает «прусскую силу», скапует порох и пушечные ядра и штурмом овладевает Берлином. В фантастических формах это отражало реальную действительность.

Участник Семилетней войны, известный мемуарист А. Т. Болотов писал, например, об одном случае применения такой «военной хитрости»: «Наши россияне дрались в сей раз с величайшим ожесточением и запальчивостью, и пруссаки писали даже сами о них после, что будто бы в сей раз ложились целыми шеренгами и давали пруссакам переходить через себя, как через побитых и мертвых, а потом вскакивали и стреляли по ним свади».

¹ Исторические песни XVIII века. Л., 1971, с. 168.

² Трактамент — обхождение (от лат. tracto — заниматься, обходить с кем-нибудь).

Намечается все больший отход от условного, необычного, все реже прибегают к гиперbole, усиливаются элементы правдивого показа действительности. Предметом изображения исторических песен стала военная жизнь, не только с ее удачами и победами, но и с поражениями.

В песне о Семилетней войне «Осада Кюстриня»¹ излагается как имевший место в жизни факт неудачной осады крепости Кюстрин в 1758 году:

Они пушечки, мортиры изнаставили,
Что палили они, дробили во Кистрин-город.
Разбивали они стену белокаменную,
Что держали они баталию семеры суточки,
На осьмые они сутки отступ сделали,
Отступала наша армия во чисты поля...

Песня «Разгром нового корпуса»², посвященная Цорндорфскому сражению 1758 года между русскими войсками и армией Фридриха II: прусская армия под командованием самого короля обрушилась на левое крыло расположения русских и разгромила недавно сформированный корпус. Стойкость в этом бою опять проявили не генералы и офицеры, а «сержанты»:

Поступает прусской король очень крепко,
Разбивает наш молодецкий новый корпус
И со правого фланга до на левой
Генералушки-бригадиушки испугались,
А полковники со майорами разбежались,
Из пушечек палили все сержанты,
Свинец-порох разводили маркитанты...

В песнях сурово осуждается предательство. Если случалось несчастье и человек оказывался во власти врагов, он не должен был забывать о своем долге. В исторических песнях XVIII века часто повторяется ситуация, когда попавший в плен герой с насмешкой отвергает предложение неприятелей перейти к ним на службу. Смерть предпочел измене герой Семилетней войны Краснощеков. О его стойкости поется в песне: «Что сказать ли вам, братцы про диковинку... Они разными муками его мучали: А правды из него не выведали, хоть с живого с него кожу содрали...» С достоинством отказывается от службы прусскому королю «российский граф», томящийся в пленах в «Кистрине» («Что под славным было городом»). В песне «Чернышов в пленах в Кистрине» на предложение короля перейти в его армию граф Чернышов отвечает: «Была кабы у меня да сабля вострая, Послужил бы я тебе да по белой шее». Подвиг героев в песнях XVIII века оценивается не только как явление личной самоотверженности и смелости, но и как событие, имеющее государственное значение.

В песнях не стыдятся человеческих слабостей:

¹ Кюстрин — одна из сильнейших крепостей Германии, опорный пункт для активной обороны нижнего Одера, преграда неприятелю, наступающему к Бердину.

² Армейский корпус — соединения всех родов войск (до 50 тысяч человек) для самостоятельных военных действий.

На приступ пошли солдатушки под Берлин-город.
Вочью кровью их ретиво сердце обливается,
Покатились из ясных очей горючи слезы —
Они билися, дралися день до вечера.
Что со вечера драились, бились до полуночи,
Со полуночи драились, бились до бела свету...

Изображение этих естественных человеческих чувств (слез по оставленным близким, страха перед смертью) подчеркивает величие совершающего подвига. Героизм и проявляется в том, что человек преодолевает эти чувства и достойно выполняет свой воинский долг.

* * *

Имена каких военачальников упоминались в исторических песнях? Главным героем многих песен был Петр I. Солдатам импонировали военные успехи царя-реформатора, его простые привычки. Петр I прошел военную службу от солдата до фельдмаршала. В «Истории Свейской войны» сохранилась записка, где он писал: «Начал служить с первого Азовского похода бомбардиром, когда каланчи взяты». Это те самые «башни», о которых пелось в казачьей песне «На славном тихом Дону» (см. с. 36). Петр I фактически сам руководил армией и флотом, разрабатывал стратегические и тактические планы, принимал непосредственное участие во многих битвах. В Полтавской баталии, например, он был в самой гуще сражения — на нем прострелили шляпу, пуля пробила седло. Иногда Петр I выступал под именем «бомбардира» Петра Михайлова. «Простота» царя отразилась в фольклоре. В песне «Царь и солдаты в кружале» рассказано, как Петр I заглянул в кабак и его узнал, как старого знакомого, простой солдат. Военные историки пишут, что Петр I принадлежал к тем немногим людям, «которые умели все делать, могли все делать и хотели все делать». Это нашло отражение в песне, записанной в более позднее время:

Он премудрый — он собой да был догадливый:
Он везде, везде ведь сам да управлял дела —
Сам укрепил-то везде стены городовыя,
Сам управлял-то, снаряжал всю силу армию,
Сам за плотника ведь строил черны корабли.

Народ рассказал и о репрессиях Петра I и его правительства. Сохранился целый цикл песен о восстании стрельцов. В них сочувственно изображаются рядовые стрельцы и их руководители. Стрельцы поэтически сравниваются с «зеленым садом», который царь хочет «выжечь, вырубить». В одной из песен Петр I говорит стрелецкому начальнику:

Ох ты гой еси стрелецкий атаманушка!
И нет от меня вам милости,
Ступай, сбирай стрелецко свое войско,
Гони ты их на Красну площадушку,
А которых на поле Куликово то:

Кого стану казнить, кого вешати,
С тебя, с атамана, голову рубить.

Известно, что в 1698—1699 годах половина стрельцов была казнена. В песне «Казнь большого боярина, атамана стрелецкого» руководитель стрельцов выражает неповинование царю: «И тут царю не покоряется... И тут царю нет повинности... противится царю, упрямствует. Отца-матери не слушает. Над молодой женой не сжалится. О детях своих не болезнует». Народ запечатлел и жестокое подавление восстания в Астрахани, когда было казнено свыше 300 человек. Мало дошло до нас песен о восстании на Дону под руководством Кондратия Булавина в 1707—1708 годах. Донские казаки были недовольны самоуправством местных начальников. На Дон был прислан с солдатами полковник Долгоруков, чтобы разыскать крестьян, бежавших от крепостного ига. Было схвачено и отправлено в Россию более 3 тысяч беглых. Это послужило поводом к восстанию:

Как на тихом-то Дону у нас не здорово;
Как приехали два боярина,
Два боярина к нам царем присланы,
Они-то всех нас теперь в разор разоряют,
Те бояре — слуги царские — стариков ссылают,
Молодых казаков во солдаты берут,
Жен, детей отдают помещикам,
Оттого-то наш славный Дон и возмутился.

Пушкин писал, что в царствование Петра I «Все дрожало, все безмолвно повиновалось». И все же, повторяем, народ высоко ценил заслуги Петра I перед государством.

Об отношении армии к нему поэтически поведано в песне «Солдат оплакивает кончину Петра I»:

Ах ты батюшко светел месяц.
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Все ты прачешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.
Что у нас было на святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском,
Что у правого крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдат на часах стоял,
Стоючи, он призадумался,
Призадумавши, он плакать стал,
И он плачет, что река льется,
Возрыдает, что ручьи текут,
Возрыдаючи, он вымолвил:
«Ах ты матушка, сыра земля,
Расступися ты на все стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань, проснись, православный царь,
Посмотри, сударь, на свою гвардию,
Посмотри на всю армию.
Уж все полки во строю стоят,
Все полковники — при своих полках,

Подполковники — на своих местах,
Все майоры — на добрых конях,
Капитаны — перед ротами,
Офицеры — перед взводами,
А прапорщики — перед знаменами.
Дожидаются они полковника,
Что полковника преображенского,
Капитана бомбардирского».

Белинский дважды цитировал в своих произведениях отрывки из этой песни. «Великий преобразователь России,— писал он о Петре I,— прежде других своих поданных встретил к себе сочувствие в храбрых солдатах созданного им войска».

Любимым героем песен о Северной войне был генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев (1652—1719). Один из сподвижников Петра I — Феофан Прокопович в «Истории Петра Великого от рождения до Полтавской баталии...» (Спб., 1773) писал, что первую победу в Северной войне русские войска одержали под руководством Б. П. Шереметева при Эрестфере. Б. П. Шереметев сыграл важную роль в Полтавской битве. В народном сознании эта битва объединилась с небольшим сражением у Красной мызы:

Не грозная туча восставала,
Не част крупен дождичек выпадает —
Из славного города из Пскова
Поднимается царев большой боярин,
Граф Борис, сударь Петрович, Шереметев.
Он со конницей и со драгунами,
Со пехотными солдатскими полками.

В песне поется, как под Красной мызой Шереметев послал в разведку казаков, те захватили шведские караулы и в числе пленных привели майора. Из допроса Шереметев узнал, что у шведского генерала Шлиппенбаха имеется 40 тысяч солдат. Фельдмаршал не испугался численно превосходящего противника, приказал атаковать:

Приказал в барабаны скоро бити,
Скорей того в поход выступати...
Состигал короля середь поля,
Под славным городом под Полтавой,
Подымалась полтавская баталья.
Запалил шведская сила
Из большого снаряда, из пушки;
Запалил московская сила
Из мелкого ружья, из мушкета.
Не крупен чеснок рассыпался,
Смешалась шведская сила...

В песнях о Б. П. Шереметеве содержатся некоторые реальные подробности, позволяющие нам лучше понять исторические события. Почему, например, пехота в данной песне называется «московской»? В петровское время в Москве было сформировано несколько пехотных полков, и некоторые из них были под командованием Шереметева¹. Б. П. Шереметев действительно «большой боярин»,

¹ В 1706 году Б. П. Шереметев вступил в командование пехотой главных сил Петра I.

он принадлежал к старинному роду, воевал со шведами в непосредственной близости к названному в одной из песен Пскову — на берегах Чудского озера, в сражениях при Эрестфере, Гумельсгофе, Ряпиной мызе и в других местах одержал крупные победы.

Однако не все песни представляют Б. П. Шереметева в образе уверенного в себе победителя. В песне «Шереметев в соборе» генерал-фельдмаршал не лишен некоторых слабостей, которые придают его образу особенную человечность. Рассказывается, что, получив приказ царя идти в поход, полководец «со слезами» молится в Успенском соборе: якобы предчувствует, что под Полтавой его убьют, и все же едет на войну. Здесь не только поэтический прием, но и историческая правда.

Сохранились письма, в которых Б. П. Шереметев действительно сообщал о том, что болен, устал и против своей воли вынужден ехать к армии. А. Д. Меньшикову, например, Б. П. Шереметев жаловался, получив приказание идти к Нарве: «Зело я, братец, болен и не знаю, как и волотца, рад бы хотя мало отдохнуть». В другом письме он пишет: «Боже мой и творче, избави нас от напасти и дай хотя мало покойно пожити на сем свете, хотя немного жить»¹. Новейшие исследования показали, что, несмотря на высокое воинское звание и награды, положение Б. П. Шереметева было неустойчивым и он опасался навлечь на себя гнев строгого царя, который мог лишить не только почета, но и самой головы. Так, в одном из своих писем, понуждая фельдмаршала к большей активности, Петр I грозил: «Больши писать не буду, но своею головою заплатишь, ежели опять толковать указ станешь».

Письма Б. П. Шереметева говорят о том, что фельдмаршал заботливо относился к солдатам, и историческая память оценила это.

С большой любовью повествуют исторические песни XVIII века о Краснощекове. Прототипами этого художественного образа послужили сразу два исторических деятеля: атаман Иван Матвеевич Краснощеков — участник Северной войны, попавший в плен к шведам, погибший в неволе в 1742 году, и его сын Федор Иванович Краснощеков, командовавший донским казачьим войском в Семилетней войне. Ф. И. Краснощеков участвовал во взятии Берлина. Большую популярность в народе принесли Ф. И. Краснощекову военные действия по вызволению от крымских татар русских плениников в 1763 году². В песнях рассказывается о героическом поведении Краснощекова в плена у шведов: «Вот связали то ево, Ну и стали пытать, спрашивать, Силу русскую выведывать. Наш батюшка Краснощек Иван не поддался жа, не спужался. Да не выдал он правду истину... Вот замучили ево. Посмеялися, надругались, Да с живого-то кожу содрали!»

¹ Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 195.

² Х. Г. Манштейн пишет, что Краснощеков с двумя тысячами казаков и калмыков в одной из схваток разбил отряд крымских татар и турок и освободил из плена более трех тысяч русских (См.: Манштейн Х. Г. Записки о России. 1727—1744. Спб., 1875, с. 93—94).

В песнях о войнах XVIII века упоминается генерал Румянцев, смелый решительный полководец призывает солдат и казаков не бояться похвальщиков-врагов. Исторически действия генерала-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева (1725—1796) соответствовали этому представлению. Известно, что П. А. Румянцев, как правило, искал решительного сражения даже с численно превосходящим противником, использовал маневр, сочетал фронтальные и фланговые удары. Его полководческая деятельность во многом определила дальнейшее развитие русского военного искусства второй половины XVIII века.

В песнях о взятии русскими войсками турецкой крепости Очаков называется Потемкин. Григорий Александрович Потемкин (1739—1791), генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II, принимал участие в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.; позднее был назначен главнокомандующим, но действовал без особого успеха. Потемкин, однако, провел важные мероприятия по укреплению русской армии и Черноморского флота. Песни о Потемкине правдиво отразили отношение народа к временщику, в них отмечается бедственное положение русских солдат, вынужденных голодными, в лютый мороз штурмовать вражескую крепость. Солдатам было известно, что вина за необеспеченность армии под Очаковым целиком лежала на Потемкине¹.

В песнях о Семилетней войне упоминается и генерал Чернышов, который попал в плен к прусскому королю. Исторический генерал-поручик Захар Григорьевич Чернышев (1722—1784) действительно сражался на Щорндорфском поле, потерял адъютанта, под ним убили две лошади, наконец, он сам был взят в плен и заключен в тюрьму в Кюстрине. Во время войны всегда кто-то попадает в плен. Однако почему именно этот генерал был запечатлен в поэтическом сознании народа? Э. Г. Чернышев не был любим в армии. Из плена генерала скоро освободили, Фридрих II даже наградил его прусским орденом, когда вступивший в 1761 году на русский престол Петр III, заключил прусско-русский союзный договор². Причина того, что несчастье, случившееся с Э. Г. Чернышевым, стало объектом изображения в песне, заключается не

¹ В рукописных произведениях демократической литературы, распространявшихся среди офицеров и солдат, рассказывалось о пренебрежительном отношении Потемкина к нуждам и даже жизни солдат. Так, в «Беседах трех российских солдат в царстве мертвых», служивших в трех разных войнах против турок, то есть при фельдмаршале графе Минихе, во вторую — при графе Румянцеве Задунайском и при князе Потемкине-Таврическом, писанных в исходе декабря месяца в 1790 г. в Яссах один из солдат жалуется, что им не выплатили и трети жалованья; в лагере под Бендерами, солдат кормили гнилым хлебом, отчего зимой в каждой роте умирало до 60 человек, солдат не снабжали водой и дровами (См.: Кузьмин А. И., Цебриков Р. М. Литератор XVIII века.— В кн.: Проблемы теории и истории литературы. М., 1971, с. 108).

² Петр III поручил в это время Э. Г. Чернышеву командование корпусом для совместного действия с пруссаками против австрийцев. Вступив на престол, Екатерина II прислала приказ отозвать русские войска. Чернышев задержал этот приказ на два дня, чем дал Фридриху II возможность выиграть сражение.

в личной биографии генерала, а в другом, более важном. В сражении при Цорндорфе, как уже говорилось, был уничтожен целый корпус русских войск. Песня отразила переживания, связанные с гибелью многих тысяч русских солдат. Реальные события в исторической памяти народа трансформировались. Ненависть к удачливому врагу вылилась в использование художественной ситуации, знакомой еще из былин.

Современная исследовательница фольклора пишет: «В поэтическом преломлении песни личность Чернышева отразилась лишь в героическом плане. Здесь он изображен как стойкий генерал, герой-патриот, преданный своей родине (сидение в Кюстринской крепости, бесстрашный ответ прусскому королю на его предложение об измене). Эпизоды его дальнейшей военной деятельности (задержание приказа Екатерины II и получение подарков от Фридриха II) в песнях не нашли своего отражения»¹.

Прусский король Фридрих II называется в песнях «лютым королем», «лютым врагом», народ знает, что его армия состоит из насильно завербованных пруссаков либо из наемников-иностранных: «У лютого короля Чужа сила не своя. Полонена, нанята, Золота казна дана Сорок тысяч серебра». Фридрих II грозит завоевать Россию: «Уж я с силушкой сберуся — сквозь землюшку пройду. Во Питере пообдаю, в Москву ужинать приду. Под Москвой-то я ночую, поутру рано в нее вступаю, всем фатеры распишу: Уж я конницу драгун по мещанским домам. Генералушек которых по господским домам. Уж сам-ат король прусский середь каменной Москвы, в государевом дворце». Устами своего героя — Краснощекова народ отвечает на это баухальство: «Не бывать ему собаке во Питере-городе. Во Питере не бывать, Москву в глаза не видать...»

В песнях о Семилетней войне оказывается устойчивой тема измены «бояр», «генералов», «фельдмаршалов». Так, в песне о Гросс-Егерсдорфском сражении поется: «Генерал, наш господин, Он столуэт ли пирует Со прусским королем, Проедает, пропиваает Он всю армию ему». Чем же вызвано такое недоверие к генералам, именно в этот период?

Несмотря на героизм солдат, русская армия терпела бедствия из-за плохого руководства, недостатка снабжения, измены. При дворе императрицы Елизаветы в Петербурге обладала большим влиянием партия, группировавшаяся вокруг наследника престола — будущего Петра III. Песни отразили происки этой партии, непреклонность действий русского командования и, наконец, невыгодный для России мир, заключенный после смерти Елизаветы императором Петром III. Сам Фридрих II писал в это время Петру III: «В течение этой войны я потерял 120 генералов... Мы опустошены ужасно... Я отчаялся бы в своем положении, но

¹ Лозанова А. И. Социальное переосмысление песен о Чернышеве.— В кн.: Советский фольклор. М.. 1936, с. 276.

в великом и величайшем из государей Европы нахожу еще верного друга: расчетам политики он предпочитает чувство чести. Ах! да не покажется вам странным, что я все мое доверие возлагаю на вас...»¹. Уже упомянутый А. Т. Болотов писал о настроениях русского народа в этот период: «Повсюду слышно было только роптанье и тайное ругательство наших главных командиров. Многие почти въявь кричали, что «измены», и измена очевидная».

В песенном искусстве этого периода неуклонно нарастают мотивы социального протesta: царю все чаще отводится пассивная и незначительная роль.

* * *

Событием, оказавшим громадное влияние на развитие общественной мысли в России во второй половине XVIII века, была Крестьянская война 1773—1775 годов под руководством Е. И. Пугачева. В одном из воззваний пугачевцев, о которых Пушкин в «Истории Пугачева» писал, что они представляются «удивительным образцом народного красноречия, хотя и безграмотного», народ призывал «...разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами... По истреблении которых противников и злодеев-дворян всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет»². Эта война была запечатлена и в песнях, содержащих яркие картины жизни порабощенного крестьянства. Народ понимал внутреннюю связь между войной под руководством Пугачева и движением Разина. Он приурочил некоторые песни разинского цикла к этой новой крестьянской войне. Пугачевское восстание представлено как народная война, главным героем многих песен является не Пугачев, а народ и его представители.

В песнях о крестьянском восстании народ использовал традиционную поэтику, традиционные мотивы: например, Пугачев, переодевшись в одежду нищенго, выведывает военные тайны:

Государь царь-батюшка послал
На донского казака Емелья Пугача
Генералов, рать несметную со пушками,
Со ружьями да саблями.
Казак Емельян Пугач повстречался
С генералами-то царскими.
Как калика перехоженький,
Разузнал он все тайны царские.
Повернул Емеля свою головушку
В ту сторону да к добрым молодцам,
К добрым молодцам, казакам верным.
«Там тайны царские я проведал сам,
А пойдемте теперича на генералов,

¹ Русская старина, 1871, март, с. 292.

² Русская проза XVIII века. М.—Л., 1950, т. 1, с. 245—272.

Головушек их не жалко нам».
Рать несметная генеральская
Полегла, как снопы во полюшке.

В песне «Ой да ты, батюшка, вот и Оренбург-город» молодой казак, стоя часовым в Москве, говорит, что его посылают в Оренбург-город убить Пугачева. но он не делает этого: «Пускай бьется за нас казак Емельянушка, Пусть бьется за нужду народную».

Многие казаки, крестьяне, рабочие с Урала стремились попасть в крестьянское войско и принять участие в борьбе за свободу; так в песне «Из Уралечка» у казака разболелась «буиная голова»: он хочет идти в поход с Емельянушкой.

Предание говорит, что Пугачев служил в армии, но, возмущенный бесчеловечным отношением офицеров к солдатам, «поддел на штык полковника» и бежал на Дон, где встретил Разина. «Вместе в походы ходили, много они разной людской нечести произвели». Перед смертью Разин назначил Пугачева своим преемником. Попав в плен к графу Панину, Пугачев говорит:

Перевешал вашей браты семьсот семь тысяч,
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варовинны вожжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил...

В народных представлениях Пугачев — герой, поднявшийся отомстить жестокостью за жестокость:

Ты звезда ли, моя звездочка,
Высоко, звезда, да ты восходила:
Выше леса выше темного,
Выше садика зеленого.
Становилась та звездочка,
Над воротами решётчатыми.
Как во тёмнице, во тюремице
Сидел добрый молодец,
Добрый молодец Емельян Пугачев.
Он по темнице похаживает,
Кандалами побрякивает:
«Кандалы мои, кандалики,
Кандалы мои тяжелые!
По ком вы, кандалы, доставалися?
Доставались мне кандалики,
Доставались мне тяжелые,
Не по тятеньке, не по маменьке —
За походы удалые, за житье свободное!»

Несмотря на то что Пугачев выдавал себя за императора Петра III, в произведениях фольклора он называется «добрый молодец», «казаком». В песне «Нет больше народного заступника» поется:

Емельян ты, наш родной батюшка!
На кого ты нас покинул?
Красное солнышко закатилось...
Как остались мы сироты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...

Популярность Пугачева среди народа была столь велика, что

даже в конце XVIII века господствующими классами предпринимались попытки использовать его образ для пропаганды их идеологии среди широких слоев народа. Так, в книге «Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельяне Пугачеве» (М., 1809) выражены идеи, прямо противоположные тем, которые содержатся в песнях. Пугачев представлен благородным — разбойником, который убеждает своих товарищ в том, что «защищать свое отчество... гораздо славнее, нежели быть разбойником». Захватив в плен астраханского губернатора, Пугачев спасает ему жизнь. Своим товарищам Пугачев говорит: «Неприятель, коего жребий оружия покорил нашей власти, с того времени перестает быть оным, и что смерть, которую наносим мы в сражении, справедлива и не-предосудительна потому, что собственная наша безопасность того требует; но кто после счастливо одержанной победы стремится проливать кровь своих пленников, тот недостоин пожатых им лавров...».

* * *

*

Одним из самых популярных героев песен был Суворов (1730—1800) — великий полководец, прославивший русское оружие в борьбе с иноземными врагами. Он близок народу, служит его чаяниям и надеждам. Песни о Суворове представляют новый этап в развитии народного характера, в обогащении новыми чертами образа полководца в фольклоре. Подобно тому как это рассказывается о Петре I, рождение Суворова связывается с «чудесами» и «зnamениями»: в народе говорят, что в эту ночь на небе стали заметны «красные хвости», в поле мужику повстречался таинственный путник и сказал, что «родился такой ребенок на земле, какого не видывал свет» и т. п. Суворов импонирует народу не только душевным складом, но и внешне: невысокого роста «сухонький старичок», прост в быту (не любит дорогой одежды и посуды, как простой солдат, ест деревянной ложкой из глиняной миски), ездит не в карете, а верхом, часто идет пешком впереди солдат. Великий полководец не забывает добрых дел — в одной из песен рассказывается, что он навестил простого солдата, который когда-то давно вынес его, раненного, с поля боя.

Военная характеристика Суворова в исторических песнях отличается от характеристики других полководцев. В его образе отмечаются не удаль и смелость, какие проявил казачий генерал Краснощеков, не властность, присущая Петру I, а опыт и мудрость старого военачальника, знающего тяжелую военную службу и твердо ведущего армию к поставленной цели. В песнях Суворов любит солдат, отдает должное их смекалке и жизненному опыту, заботится о них, высоко ценит их ратный труд и подвиг, бережет солдатские жизни и одерживает победы «малой кровью». Он ставит солдатам и казакам определенные «задачи» («скрасть турски караулы», совершить различные иные подвиги и т. д.):

Выкатилась сила армия во чисто поле,
Во чисто поле, во широкое раздо́лье.
Выходил тут сам-ат батюшка, граф Суворов.
Камышовой своей тросточкой он командует:
«Становитесь вы, солдатушки, ко правому флангу,
Вы берите, ребята, и не робейте,
Своих белых рук не жалейте»...

В песне о Хотине¹ полководец как бы любуется своими «молодцами», «удальцами»: «Ах вы егери, стрельцы! Бомбардиры-молодцы! Вы стреляйте, не робейте. Пуль-пороху не жалейте!» Солдаты с готовностью слушают своего командира и выполняют приказ:

Бонбардиры осерчали
И мортиры заряжали,
Мортиры заряжали,
В шанцы² бонбы бросали.
В шанцах бонбы разрывало —
Много турок погибало.
Мы до шанцев не дошли,
На штыках прямо пошли.
Во Хотин-город взошли.

Ласковый, как отец, к «солдатушкам», «седой енерал» превращается в песнях в могучего богатыря, грозного для врагов России.

Во многих песнях Суворов выступает перед войском с речью. Это ситуация, типичная для военно-исторической поэзии второй половины XVIII века, давала возможность одновременно показать и самого полководца, и отношение к нему солдатской массы.

Солдаты, преследуя противника, оказались на берегу моря, где не было никаких средств переправы. Они «призадумались», «закручились», но в это время подошел Суворов:

«...Ой вы, гой еси, братцы-солдатики!
Вы снимайте-ка со плеч ранцы тяжелые,
Уж и ставьте-ка в козлы ружья меткие,
Вы берите-ка топорики острые,
Вы плотите-ка мосты, плоты широкие».
Что не гул гудит по поднебесью,
Что не шум шумит по темным лесам,
То плывет-летит наша армия.
Злая некрсть, турки испуждалися.
По разным сторонушкам разбежалися.

Военную находчивость и смелость Суворов сочетает в песнях как и многие любимые народом герои, с хитростью и изобретательностью. Например, во время швейцарского похода (1799 г.) полководец приказал изготовить камышовые снопы, надеть на них фуражки и поставить перед неприятелем. Обманув противника, Суворов ударили по нему с фланга главными силами³.

¹ Хотин расположена на правом берегу Днестра, важный стратегический пункт турок, который русские войска занимали в 1739, 1769, 1788 годах и в войне 1806—1812 года, после чего крепость отошла к России.

² Шанцы — окопы, временные полевые укрепления.

³ О подобном примере, однако, использованном Суворовым при обучении солдат во время осады крепости Измаила, писал и Байрон: «Да, то бесспорно факт, что он, фельдмаршал, лично Неловких рекрутов упорно муштровал... Учил, [халатами] фашин окутав ряд, Придав кинжалы им, чалмы и скимитары, Как туркам подлинным, чтоб мог привыкнуть взгляд, Штыками наносить тем чучелам удары...» (Байрон. Дон Жуан. М., 1947, с. 267).

Эта черта характера Суворова подмечена не только в русских песнях, но и произведениях устно-поэтического творчества других народов. Так, в преданиях, записанных в Молдавии, рассказывается, как русский полководец, не желая губить солдат, перехитрил турок-османов при взятии крепости Бендера. Он приказал нескольким взводам три дня и три ночи шагать вокруг кургана. Османы решили, что подходят и подходят новые войска, перепугались и сдались. В предании, рассказывающем о штурме крепости Измаил,— аналогичная ситуация. Суворов велел полку маршировать целые сутки у крепости, а затем приказал трубачам трубить. Это сбило врагов с толку, они «побежали вдоль Дуная, в свою Турцию, в Стамбул». Эти фольклорные описания отразили близкие исторические события. Вероятно, и в самом деле, Суворов прибегал к подобным «переодеваниям» и маневрам. При взятии Бендера в 1789 году русские растянули расположение своих армий, чем ввели турок в заблуждение о численности войск¹. И в более позднее время, при взятии Бендера в 1806 году, русские войска двигались перед крепостью то в шинелях, то без шинелей, меняя головные уборы.

Любовь Суворова к солдатам подчеркивается его ироническим отношением к вельможной знати. В одной из песен полководец наградил за смекалку простого казака и высмеял изнеженного барина-офицера.

Народ высоко ценил кристальную честность Суворова:

Здравствуй, здравствуй, граф Суворов,
Что ты правдою живешь,
Справедливо нас, солдат, ведешь!..

В другой песне поется:

Тебя правда украшает,
Ты и хочешь с нею помереть,
Тебя златом-серебром прельшают,
Ты не хочешь на него смотреть.

Солдатам нравилась простота Суворова; в обращении полководец любил остroe словцo и шутку, распевал солдатские песни².

Суворов характеризуется типичными для произведений народной поэзии обстоятельствами и соответствующей эмоциональной оценкой действий. Он противопоставлен Потемкину:

¹ См.: Годак В. М. Фольклор и молдавско-русские, украинские исторические связи, М., 1975, с. 135.

² Известно, например, что Суворов любил солдатскую песню «Ах, на что было город городить, ах, на что было капусту садить» (см.: Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. Спб., 1884, т. I, с. 455). Приказы Суворова были написаны ярким народным языком, и это тоже располагало солдат в его пользу. Сочиненная Суворовым «Наука побеждать» содержит много пословиц и афоризмов. Приведем несколько примеров: «Береги пулю в дуле», «Троє наскачат — первого заколи, второго заколи, третьему — штыком караучун», «Ров не глубок, вал не высок, бросься в ров, скочи через вал, ударь в штыки, коли, гони, бери в полои». В народный обход вошли изречения Суворова: «Смелый приступ — половина победы», «Коли мало штыка, дадим приклада», «Хоть не ел, а будь смел», «Либо грудь в крестах, либо смерть в кустах», «Умирай в поле, а не в яме» и др.

Вот Потемкин-генерал
В своем полку не бывал.

А Суворов-генерал
Свою силу утверждал,
Метки пушки заряжал,
Короля во полон брал.

Глубоко поэтическая, овеянная лирической грустью картина нарисована в песне «Суворов ранен» («А да не вечерняя эта звездочка»). В ней — чистые поля, солдатские белые палатки, «больно раненный» Суворов, и над всем этим высокая звезда.

Песня лаконична, каждая ее строка несет предельную эмоциональную и смысловую нагрузку.

Песни о Суворове оказали влияние на дальнейшее развитие военной исторической песни. Многие их поэтические образы были использованы для характеристики Кутузова.

Демократизация образа Суворова продолжалась и в более позднее время. О Суворове было создано несколько легенд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

* * *

В первой половине XIX века историческая песня по-прежнему откликалась на события эпохи. Яркий след в песенном творчестве русского народа оставила Отечественная война 1812 года. Значение ее огромно. Герцен писал, что «с 1812 года начинается наша новая история». Война была народной: «Вдоль по речке, по реке. Сбушевалася волна: Подымалася война. Вся французская земля Сквозь Россеюшку прошла, Во Москву-город вошла, Немножко побыла. Много шуму сделала, Много крови пролила»¹.

Грандиозному военному столкновению 1812 года предшествовала война 1806—1807 годов. Она велась коалицией европейских государств (Россия, Пруссия, Саксония, Швеция, Англия) с拿полеоновской Францией. События, связанные с этой войной, отразились в фольклоре скучо: война шла на территории Германии и не затрагивала непосредственно интересов русского народа. Лишь казачьи песни рассказали о разгроме прусских войск. Донским казачьим войском командовал атаман М. И. Платов. В песнях запечатлелись эмоциональная и политическая оценки этой войны. В одной из них «разнесчастненький, бесталаненький... король Прусский» случайно узнает о гибели своей армии.

Широкое освещение в песнях получила война 1812 года².

¹ Исторические песни XIX века. Л., 1973.

² В борьбе с наполеоновской агрессией принимали участие все народы Европы. В фольклоре народов России война 1812 года нашла близкое к русскому народно-поэтическому творчеству отражение. Так, в украинской думе «Пиши, король, листи, а король французский...» рассказывается, что война началась из-за того, что французский король потребовал от русского царя все земли до Днестра.

Традиционны песни о начале войны: письма Наполеона Александру I, в которых он требует приготовить в «каменной Москве» квартиры для его войска: генералам — купеческие дома, а ему самому — царские палаты. Имеются исторические песни о Бородинском сражении, о Москве («Разорена путь-дорожка от Можайска до Москвы»), о разговоре Кутузова с солдатами («Как заплакала Россияшка от француза»).

Образ родины овеян любовью; подчеркивается, что России выпала особенная историческая судьба:

Ты Россия, ты Россия,
Святорусская земля,
Много славы, много чести,
Много горя тынесла...

Песни стремятся характеризовать эпоху в целом, настойчиво проводится мысль о том, что героем войны является русский народ: «Господа-то все наши дворяне. Они перепужались, не знают, как быть, Перепужались да все разбежались...»

Герцен писал о том, что русский крестьянин считал, «что у себя дома он непобедим; эта мысль лежит в глубине сознания каждого крестьянина, это — его политическая религия. Когда он увидел иностранца на своей земле в качестве неприятеля, он бросил плуг и схватился за ружье». Исторические песни проникнуты этой верой в победу русского народа.

С предшествующей традицией эти песни сближает манера изображения любимых полководцев. Песни о фельдмаршале Кутузове сходны с подобными произведениями о Петре I, Шереметеве, Суворове, в которых пелось, что они не боятся угрозы врагов. В песнях о войне 1812 года подвиг Краснощекова был перенесен на казачьего атамана Платова, который, переодевшись купцом, побывал у французского короля.

В связи с относительным ростом грамотности в исторических песнях XIX века сильнее выражено влияние литературы, и в частности книжной поэзии. Происходит сближение лирической и эпической традиций, появляется много песен лиро-эпических. Сокращается объем песен, в них более остро решаются социальные и политические вопросы. Любимыми героями являются Кутузов и Платов. Кутузов изображен мудрым руководителем народной войны, опытным и рассудительным полководцем. Эта вынесенная народом высокая справедливая оценка полководца весьма примечательна. Известно, что к Кутузову недоброжелательно относились царь, действия фельдмаршала осуждали и критиковали представители генералитета, придворные и военные теоретики.

Заметим, что многие европейские политики в те годы были уверены в том, что Россию ждало неминуемое поражение. Так, министр иностранных дел Австрии, фактически глава правительства Меттерних писал о том, что русские не смогут оказать сопротивления наполеоновской армии. В отступлении русских армий в 1812 году он видел «потерю европейского существования России».

Сам Наполеон был уверен в том, что в «течение двухсот лет Россия не оправится от понесенных ею потерь».

В песнях XIX века еще более отчетлива традиция изображения царя испугавшегося, не способным решать важные национальные задачи. Кутузов ободряет Александра I:

Ты небойсь, небойсь, Александра-царь, не пугайся ты!
Как мы встретим его... врага, среди пути;
Мы язвице приготовим ему — бонбы с ядрами,
А другое отошлем ему — пушки с лафетами.

Народ сурово осудил грабежи и бесчинства завоевателей, пожары и насилия над жителями столицы. В песне о взятии Москвы пелось:

Кто, братцы, Москву разорил?
Разорил Москву неприятель злой,
Неприятель злон, француз молодой.
Выкатил француз пушки медные,
Направлял француз ружья светлые,
Он стрелял-палил в матушку Москву,
Оттого Москва загорелася...

В некоторых песнях говорится о взрыве Кремлевской стены:

Стена камнина пошатнулася,
Бела глина повалилася,
Мать сыра земля расступилася.

(С 21 по 23 октября 1812 г. французы произвели пять взрывов Кремлевской стены.)

Народ начал партизанскую войну. Тысячи французских солдат были убиты и ранены либо попали в плен. Вспоминая русский поход, Наполеон говорил: «Я должен был бы умереть сразу после вступления в Москву».

Кутузов приказывает солдатам следовать наставлениям Суворова:

Он солдатушкам завет завещал:
«Вы солдатушки земли русской,
Вы не бойтесь ни злодеев злых,
И ни холоду, и ни голоду!»
Разгорелись все солдатушки,
Как он, батюшка, дал приказ такой...
Ах, и зимушка не знобила нас,
И бесхлебица не кручинила.
Только думали, как злодеев гнать
Из родной земли русской?
Побежал злодей неоглядкою,
Побежал злодей со злодеями...
Мы за них восслед — и бить некого.

Песни рассказывали о возвращении захваченных противником городов. Освобождение Смоленска, например, связывалось с именем Волконского:

Как повыше было Смоленска-города,
Что пониже было села Красного,
Что под рощею под зеленою,
Под березою кудрявою,
На большом зеленом лугу
Стоял тут лагерь русской армии.

Русской армии, гвардейских солдат...
Призадумавшись сидят, на Смоленск-город глядят...
Как бы, братцы, нам приняться Смоленск-город свободить?
Вдруг послышалась тревога
У палатки командирской,
Все солдаты стрепнулися,
Ружья взявиши, в ряд становились,
Как и вышел перед войско Болконский-князь...

Болконский обращается к войскам с призывом освободить город — солдаты изгоняют противника.

Известно, что при отступлении Наполеона под Смоленском больших боев не было. Французы пробыли в городе всего четыре дня. Неподалеку от Смоленска, у села Красное, был уничтожен арьергард французской армии. Один из очевидцев этого сражения — Н. И. Толстой, отец писателя Л. Н. Толстого, в письме из Гродно от 28 декабря 1812 года писал: «...я видел места, верст на десять заваленные телами; вы не можете представить, какое их множество по дороге от Смоленска до местечка Красное; да это еще ничего, ибо я считаю, убитых несомненно щастливее тех пленных и беглых французов»¹.

После Красного французская армия в значительной степени потеряла свою боеспособность и вынуждена была, бросая обозы и артиллерию, отступить к Орше и Березине.

Популярной фигурой исторических песен 1812 года был казачий атаман М. И. Платов. Казаки сыграли важную роль в наполеоновских войнах. Они совершали неожиданные налеты, хитростью заманивали врага в труднопроходимые места, захватывали обозы и пленных.

В 1807 году казачьи войска под командованием Матвея Ивановича Платова только под Прейсиш-Эйлау захватили в плен свыше 4 тысяч французов, потеряв не более 500 человек; в 1812 году, нанося поражение противнику, казаки прикрывали отступление русских войск после Тарутинского сражения, с успехом сражались у Городни, Колоцкого монастыря, Гжатска, Царева-Займища, под Духовщиной и в других местах.

Сам Наполеон вынужден был признать: «... тучи казаков окружали место, на коем были расположены войска наши, ежедневно похищая у нас великое число фуражиров... К изнурению фуражиров присоединялись поражения, наносимые им казаками, подъезжавшими даже к заставам Москвы».

25 октября 1812 года под Малоярославцем казаки едва не захватили в плен самого Наполеона и его спутников — Бертье и Раппа. Французский писатель, генерал, граф Ф. П. Сегюр, участник нашествия 1812 года на Россию, автор книги «История Наполеона и великой армии в течение 1812 года» (1824 г.), писал о том, что во время отступления деморализованные войска подчинялись только одному возгласу: «Казаки!».

¹ Гусев Н. И. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1861 год. М., 1954, кн. 1, с. 41.

Платов считал Наполеона своим личным врагом. В Тильзите, когда был заключен мир, французский император пожелал увидеть знаменитого атамана и вместе с другими русскими генералами наградить французским орденом. По приказанию Александра I Платов явился в Тильзит, но не пожелал ни представиться, ни получить французский орден. Наполеон, узнав об этом, во время церемонии представления свиты быстро прошел мимо атамана.

В оценке Наполеона Платовым воплощено отношение всего русского народа к захватчику: чувство превосходства и ирония. В исторических песнях в образе Платова подчеркнуты качества, присущие всему казачьему войску, удаль, смелость, умение перехитрить врага, насмешливость. В одной из популярных песен 1812 года — «Платов в гостях у француза» — Александр I послал переодетого купцом Платова к Наполеону. Французский император не узнал казачьего генерала. Он посадил его за стол, начал угощать водкой, расспрашивать о знаменитом Платове:

Кто бы, кто бы мне сказал
Про Платова-казака?
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому много бы казны дал!
Зачем тебе казну терять,
Его можно так узнать.
Ты гляди-ка на меня.
Что Платов-от, как и я...

Образ лазутчика, разведывающего войско врагов, встречается в исторических песнях нередко; таковы песни: «Петра I узнают в шведском городе», «Краснощеков в гостях у прусского короля», «Генерал Прозоровский в гостях у турецкого визиря». Аналогичная ситуация излагается и в украинских песнях. В «Письме про Матвея Платова» (в одном из вариантов песни) Платов, уезжая от Наполеона, говорит: «Ты ворона, ты ворона, загуменная карга! Не сумела ты, ворона, ясна сокола держать, Ясного сокола, Платова-казака. Ты умей, ворона, по чисту полю летать. По чисту полю летать, с казаками воевать, Про тебя, ворона, блины напечены, блины напечены, Блины напечены, пушки заряжены». В украинской «Песне про Матвея Платова» атаман иронизирует над Наполеоном: «Дурний француз, як сова, Упустил из рук Платова!»

Платов организует войска для борьбы с врагом: «Ох-и, позову я моих казаков лихих. На француза-неприятеля: Ох-и, вы орлы мои сизокрылаи. Соколы мои залетные! Ой, ну, седлайтЯ, седлайтЯ донских коней. Вы седлайтЯ, не замещкайтЯ...»

В песнях отображен один из самых трагических моментов войны — переправа через Березину. За сто лет до Наполеона, в июне 1709 года, двигаясь на Украину, через эту реку переправил свои войска шведский король Карл XII. 8 ноября 1812 года, отступая с остатками Великой армии, подошел к Березине Наполеон. Французская армия представляла, по свидетельству современников, «погребальное шествие». Наполеон сравнивал себя с Карлом XII. после того как тот бежал с Полтавского поля. К моменту пе-

реправы через Березину в Великой армии боеспособность сохранили всего несколько дивизий¹. Здесь французы потеряли 25 тысяч убитыми и столько же пленными. Современники рассказывали, что вся местность у переправы между Студянкой и Березиной была загромождена замершими трупами и брошенными обозами: «Запружил француз реченьку Березину,— поется в песне.— Сам на волю жить в Париж ушел... Увидавши, француз огонек начал утыкати, А генерал казачий Платов за ним в погонь гнати. Бежит речушка наша Березина, перевозу нету, Солдаты бравы, молодые кричат: подать лодки, Казачки бравы, молодые на конях за водую...»

В сознании народа эта переправа олицетворяла окончание народной войны: боевые действия были перенесены на чужие земли,

Лейпцигское сражение 1813 года было воспето лишь в казачьих и солдатских песнях («Не две тучушки, не две грозные сходились»). О взятии Парижа в 1814 году поется в песне «Под славным было городом Парижем».

Освободив Россию и всю Европу от французской агрессии, русский народ остался в неволе у царя и помещиков. Писатель, декабрист, офицер Александр Бестужев (Марлинский) (1797—1837) писал: «Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа... Мы проливали кровь,— говорили они,— а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа... Тогда-то стали говорить военные: «Для того ль освободили мы Европу, чтобы наложить ее цепи на себя? Для того ль дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили первенство между народами, чтобы нас унижали дома?...»

Позднее царское правительство послало многих участников войны 1812 года на Кавказ, где они погибли под пулями горцев.

* * *

*

В исторических песнях отображена и деятельность временщика при Павле I и Александре I — А. А. Аракчеева. Аракчеев на-саждал прусские военные порядки и жестокую дисциплину в армии, проводил политику полицейского деспотизма и крайней реакции. В исторических песнях Аракчеев олицетворяет собой «злодея-барина», грабителя: «Аракчеев — сукин сын. Всю Россию разорил... Солдат голодом поморил, У них жалованье таил: Харчевое, Порцевое, Третье денежное...»

Гневной инвективой против Аракчеева и военных поселений звучит «Глас, вопиющий о военных поселениях». Аракчеев был инициатором и руководителем этих поселений. Авторы песен жалуются на голод и изнурение солдат и их детей, на казнокрадство начальников. Приводим отрывок текста этой песни: «Жизнь в

¹ У Наполеона в это время было 80—90 тысяч человек, из которых только 40—50 тысяч вооруженных, остальные были без оружия. Кавалерии практически не было.

военном поселенье Настоящее мученье, Только не для всех! Поселяне голодают, Зато власти поживают Очень хорошо! Для полков здесь заточенье, Голод, холод, изнуренье Хуже, чем в Крыму! Здесь ячмень дают уланам, А рожь прячут по карманам: Так заведено! В ряд по струнке, как солдаты, поселянские здесь хаты. Все по чертежу! Чисто прибрано снаружи, А внутри едав ли хуже Можно отыскать! Хлеб казенный не радится, Зато собственный спорится: Некуда девать! Писаря-капиталисты, Мрут, как мухи кантонисты.—Воздух виши какой!»¹.

Военные поселения позднее стали очагом революционного движения в армии. В письме П. А. Вяземскому от 3 августа 1831 года А. С. Пушкин писал о восстании в военных поселениях под Новгородом и Старой Руссой, когда было убито более ста человек офицеров и генералов.

Мы не будем останавливаться на песнях о русско-турецкой войне 1828—1829 годов, о событиях на Кавказе, в средней Азии и Крымской войне 1853—1856 годов. Они содержат традиционные поэтические образы: турецкий султан или какой-либо другой монарх похваляется завоевать Россию, казаки или солдаты получают приказ пойти на врага, штурмуют крепости, ведут бои в открытом поле и одерживают победу. Песни о Крымской войне рассказывают о горе, которое вызвало сообщение о рекрутском наборе, о тяжелом пути, который прошли солдаты, направляясь в Севастополь, о их решимости: «...драться до последней капли крови».

* * *

В поэтике исторических песен XIX века широко применяются приемы и художественные образы песен XVI—XVII веков. Перед боем солдаты и казаки обязательно готовят оружие («Вы выдайте приказ строгий По всей армии своей... Чтобы ружья были чисты и во замках кремни востры. Востро sabли наточены...») На завтра должен прийти «гость», и его следует хорошо встретить. В песне «Русская армия готовится вступить в Париж» солдатам говорят: «Надевайте вы, солдатушки, платье бело; Поутру вам, милые, будет дело!» Существовал древний обычай: надевать перед сражением чистую, иногда парадную одежду. Еще в античные времена воины готовились к сражению, как к торжественному событию. «Отец истории» Геродот пишет, что перед сражением в Фермопилах (480 год до н. э.) посланный персами соглядатай Демарат увидел, что перед боем спартанские воины занимались своим туалетом — расчесывали волосы. «Эти люди пришли сюда сражаться... они готовятся к битве,— объяснил Демарат царю персов Ксерксу.— Таков у них обычай: всякий раз, когда они идут на смертный бой, они украшают себе головы»². Парадную одежду надевали перед

¹ Исторические песни XIX века. Л., 1973, с. 162.

² Г е р о д о т . История. М., 1972, с. 369.

боем солдаты многих русских полков. Сражение как бы подводило итог всей их жизни: многотрудным учениям, походам, оно было экзаменом, к которому долго и тщательно готовились.

Затем в песне следовал близкий к эпосу рассказ о самой битве:

Уже мы бились-рубилися
Разосеню темну ночь,
Разосенни ночи темны, долги,
Близ четырнадцать часов.
Как во первом часу ночи
Сабли, ружья гремели,
Во втором часу ноченьки
С плеч головки летели,
Как во третьем часу ночи
Кровополитье протекло;
Протекло же это кровополитье,
Словно полая вода...

Главное действие и подвиги героев исторических песен совершаются чаще всего без вмешательства божественной или какой-либо сверхъестественной силы. Исход сражения зависит от опыта и воинской доблести людей. Призыв к борьбе за церковь и христианскую веру воспринимался как клич к борьбе за независимость родины.

Враг характеризуется как «вор», «неприятель злой», «француз молодой... не женатый, с роду холостой». Он «навострил шашки» — и хочет напасть, пули сыпятся, словно град или пчелы, солдаты и казаки стоят по колено в крови, командир приказывает им «не робеть». Павшие воины называются «бедными малолеточками». Гибель их вызывает сожаление. В отличие от былин в исторических песнях иногда перед сражением люди видят вещие приметы (предчувствия несчастье, например, спотыкается конь; казаков предупреждает о погоне кукушка.— с. 200). Получив смертельную рану, герой просит отвезти его тело на родину и там предать земле. Применяется трехкратное повторение: хоронят павшего воина чаще всего «промеж трех дорог», несут через «три поля». Если убитый остается лежать на поле, налетают черные вороны и клюют его. Родные оплакивают гибель воина:

Как отец-то плачет, как река льется,
Как мать-то плачет, как ключи текут,
Малы девушки — как родники бьют,
Молодая жена плачет, как роса утренняя,
Роса утренния падет, молода вдова замуж уйдет.

Реальные исторические процессы, факты биографии героев отражались в песнях часто не прямо, а опосредованно, через сложные ряды художественных образов, через намеки и иносказания. В песнях, как и в былинах, поется о том впечатлении, которое произвели события на людей, о настроении, которое они вызвали в сознании народа.

Песни о Северной войне, возникшие в начале XVIII столетия, еще близки к былинам, сохраняют следы старого эпического сказа, однако рассказ становится более динамичным, насыщается конкретными деталями — реалиями, ведется как бы от непосредственного

участника события. Обобщенные черты внешности героя сосуществуют с раскрытием душевного состояния человека. В песне часто используются присущие народной традиции отрицательные зачина: «Что не белы снеги забелилися, Забелилися в чистом поле палатки солдатские» («Ах, далече, далече в чистом поле»). Мы находим в них простой параллелизм («Тучи темны, тучи грозны по поднебесью текут, Наши храбры гренадеры к Измайлова идут»), отрицательный параллелизм с использованием эпитета — цветной или белой. При параллелизме одна половина синонимически усиливает другую.

Эпитеты в песне чаще всего служат достижению эмоционально-психологических целей, выполняют не изобразительную функцию, как это часто бывает в былине, а функцию выразительную. Важную роль в песне играет тон: веселый или печальный, шутливый или трагический. Эмоциональная тема раскрывается путем ассоциации с другими рядами параллельных образов. Главный художественный эффект песни — завершающий и объясняющий всю ситуацию эпизод часто находится в конце песни.

Звук трубы уподобляется человеческому голосу. Исследователями уже было отмечено, что в фольклоре этим сравнением подчеркивается важность речи. Со звуком трубы сравнивается речь царя или военачальника: «Уж как Царь говорит, как в трубу трубит...» («У нас было во Кремле во городе»); «... Не громка труба восклинула, как возговорил Румянцев Граф» («Ах ты поле, поле чистое...») и др. Этот образ взят из военной жизни: команды подавались сигналом трубы (это было особенно важно в обстановке боя, где не слышен человеческий голос). Выстрел пушки сравнивается с рыком хищного зверя: «... Что взрыкнула тут пушечка боевая... Что убила ли полковничка, как пить дала» («Ах ты ноченька, ты ноченька осенняя»). Море, покрытое парусами кораблей, сравнивается с цветущим лугом («Не цветами сине море покрывалось...»), корабль, подобно былинному кораблю Садко, — с соколом («Как сокол летит...»), парус — с орлиным крылом. Любопытно, что для изображения моря брались образы земли: луг, цветы, сокол. Русский солдат все еще оставался в душе землемельцем, охотником — человеком деревни, земли.

Для изображения матери или жены солдата используется образ белой лебедушки: «Что не белые лебедушки восклинули, Так восклинут молоды жены солдатские» («Что победныя головушки солдатские»), для плача — общий с другими песнями образ текущей реки: «... И он плачет, что река льется. Возрыдает, что ручьи текут...»

В зачине песни, как правило, намечается ее основная тема. Чувство скорби, неутешного горя в связи с невозвратной потерей передают слова: «Ах! ты батюшка, светел месяц, Что ты светишь не по-старому...»; начало песни «Ах! талан мой, талан таков! Или участь моя горькая...» служит введением к истории о попавшем в плен добром молодце. Настроение торжественного смотря

войск, отправляющихся на войну, передают слова: «Как во славной было матушке каменной Москве. Что на той ли было братцы, Красной площади...» и т. п.

В песнях часто применяется сужение образов, «когда образы ступенчато следуют друг за другом в нисходящем порядке от образа с наиболее широким объемом к образу с наиболее узким объемом содержания»¹.

Авторов песен интересовала война не столько как историческое событие, а как явление, изменявшее жизнь их героев. Важным было то, что война несла для воинов, какие возникали в связи с ней новые ситуации: объявление войны, приказ готовиться к походу, расставание с близкими, встреча с противником, бой, осада крепости, ранение, смерть. Отсутствие интереса к войне как к определенному историческому событию в песне приводило к тому, что иногда жизненные «ситуации» прикреплялись к таким событиям, которые происходили в другое время. Сюжетная ситуация жила в художественной жизни в зависимости от своей типичности, художественного достоинства, драматичности, близости к духовному складу человека. Образ русского солдата, представленный в этих песнях, делает нам понятной веру в него, в его смелость, смекалку, в его чувство ответственности, проявленные А. В. Суворовым, М. И. Кутузовым и другими выдающимися русскими военачальниками.

Исторические песни XVIII—XIX веков являются новым шагом в раскрытии русской военной героики. Они отражают более широкий круг вопросов, стоявших перед русским народом. Песни отличаются большим эмоциональным богатством: они полны гордости за родину, за подвиги, одержанные ее армией, вселяют уверенность в силу русского народа. В XVIII веке происходит перерождение местных и областных песен в песни общенациональные, общерусские. Значительную роль в этом процессе сыграла историческая песня. Армия объединила людей, приехавших из различных концов русской земли, взаимно обогащались и объединялись принесенные ими песни. В поэтическом отношении военно-исторические песни в основном следуют традиции крестьянской лирики, однако в их стилистической структуре появляются элементы, характерные для книжной поэзии.

Исторические песни отличаются драматизмом действия, лаконизмом изложения, простым и народным языком. По сравнению с песнями XVI—XVII веков в них больше внимания уделяется личности — человеку.

¹ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941, с. 393.

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

В XVIII веке появляются солдатские песни. Некоторые исследователи делят солдатские песни на исторические и бытовые, другие — на эпические и лирические. В исторических солдатских песнях в начале их существования имелось эпическое повествовательное начало. Они содержали экспозицию, завязку действия, его развитие, кульминацию и развязку. В последующих песнях сюжетная ситуация, как правило, лишь намечалась, зато ярче выявлялось эмоциональное отношение к событиям. Как и другие произведения фольклора, многие из солдатских песен выражали мысли и чаяния народа, типизировали его чувства.

Основу многих солдатских песен составляют старинные воинские песни, которые, по традиции, передавались в воинской среде и обогащались крестьянским и городским фольклором. Значительное влияние на солдатский репертуар оказали русские и украинские народные песни, а также песни литературные. В основу походно-строевой песни легла исполняемая «под ногу» крестьянская «скорая» (плясовая, игровая) либо «протяжная» песня с широким, привольным напевом. Немногие солдатские песни представляли собой переработку торжественных кантов петровского времени. Это были официальные торжественные гимны, исполнявшиеся хором по случаю побед или праздников.

Переработкой торжественного петровского канта XVIII века является, например, популярная песня «Дело было под Полтавой»:

Дело было под Полтавой,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда со шведом,
Под знаменами Петра...

Некоторые исследователи отказывали солдатским песням в народности, считали их «казарменными». Против этого выступила передовая критика. В статье 1841 года В. Г. Белинский писал: «Солдатские песни образуют собой особый цикл народной поэзии. По форме своей они ничем не отличаются от других русских песен, но содержание их оригинально по русско-простонародному пониманию европейских вещей и по смеси чисто русских выражений с терминами и словами из сферы регулярно-военного быта». В. Г. Белинский первым ввел термин «солдатские песни». До него эти песни назывались «боевые», «военные» или «войинские».

История культуры убеждает в том, что во время войны, когда потребность излить свои чувства становится особенно необходимой, слагается много песен.

Древнерусские воины-дружиинники и стрельцы пели песни во время похода, на привале, перед боем. В их репертуаре были не только свои воинские песни, но и песни народные.

Австрийский дипломат Мейерберг, посетивший Россию в 1661—1662 годах, в своем описании «Путешествие в Москвию» рассказал, что стрельцы коротали время за песней, даже ночью: «один из часовых... должен был стоять на карауле под окном его спальни. В летние ночи он не давал ему спать... пением либо ...играми с сослуживцами»¹. Французский генерал, находившийся на русской службе, писал о том большом значении, которое придавали песни в русской армии в XVIII веке: «Я заметил, насколько русские любят пение; поэтому каждый полк, каждая рота имеют своих песенников... они составляют в полку отдельную команду, и, чем больше их имеют, тем больше этим хващаются...»².

Известный критик XIX века В. В. Стасов писал: «Русский солдат идет в бой с народной песней на устах. Она сродни каждому из нас...»³. Мы не ошибемся, если скажем, что песня сопровождала русского солдата на протяжении всей его службы.

Одним из ранних образцов песни о «войинской службе», близкой к солдатской, можно считать песню, записанную в 1619—1620 годах для англичанина Ричарда Джемса, в которой «даточные», или «посошные»⁴, люди молят бога, чтобы их призвали на государеву службу весною, а не зимой. Весной служить легче. В песне изображается весенняя природа, как она воспринималась служилым человеком («Бережочек зыблется, Да песочек сыплется,

¹ М е й е р б е р г . Чтения Общ. люб. Ист. и Древностей, 1873, кн. III, с. 81.

² Г р а ф Л а н ж е р о н . Русская армия в год смерти Екатерины III.—Русская старина, 1895, апрель, с. 156.

³ С т а с о в В. В. Избр. соч. М., 1952, т. II, с. 526.

⁴ Д а т о ч н ы е л ю д и — пожизненные военнообязанные, поставлявшиеся населением в XVI—XVII веках, до учреждения регулярной армии. Первоначально даточные назывались посошными.

А ледочек ломится...»). Весенняя служба дает «Молодцам веселье, А сердцу утеху»:

А емлите, братцы,
Яровы весельца;
А садимся, братцы,
В ветляны стружочки,
Да грянемте, братцы,
В яровы весельца
Ино вниз по Волгел..

Однако и весной военного человека ждут опасности, вызывающие тревогу и опасения (во время ледохода «добры кони тонут, Молодцы томятся»). В целом в настоящих солдатских песнях картины природы вызывают у солдата щемящее душу чувство оторванности от родного быта, от близких людей: «Ах, весна ли ты, весна, Не ко времени пришла, Не ко времени, к печали, Ко великой сухоте...»

Солдатские песни противоречивы: пелись песни, идеализировавшие действительность (таких было больше среди казачьих песен), и песни, показывающие ее уродливость, несовершенство. Эти последние отразили классовую сущность феодально-крепостнической армии: противоречие между правами и обязанностями солдата, выражавшееся в общественном положении солдата, которому феодально-крепостническое общество доверило защиту отечества, но в то же время сделало его бесправным.

В большинстве дошедших до нас солдатских песен, как писал современный исследователь, «Солдату не до лазоревых цветочков и шелковой травы, и о них он никогда уже не поет. Он поет о писарях, забривающих лоб, о муштре, учениях, тяжести солдатской службы с караулами, трудными походами, тяжелой амуницией, зноем и холодом, о нечеловеческом с ним обращении, о море крови и трупах после боев... Эти песни не жалобы и не стоны. Вопреки этой жизни солдат знает, что он выполняет долг перед родиной и служит верно»¹.

Солдатская служба начиналась с рекрутчины. Рекрутские песни описывали события, случившиеся не в казарме, а еще в деревне, в приемной воинского присутствия. В них слышится чаще голос матери, любимой девушки, чем самого солдата. Этим они отличались от песен солдатских. Рекрутские песни рассказывают, что набора в народе ждали как великого несчастия, с которым связывали зловещие приметы. В песне «Вечор ноне, матушка, мне мало спалось» молодец говорит матери, что ему приснился вещий сон: он мчится на коне, с его головы сорвало шляпу, с руки — перчатку и плеть. Мать объясняет, что этот сон предвещает солдатчину.

В широко распространенной песне «У отца было, у матери три сына любимые» крестьянская семья раздумывает, кого из сыновей отдать в рекруты. У старшего «детей много», у среднего «жена хороша», ее не хотят обездолить, остается младший сын.

¹ Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора.— Русск. лит., 1964, № 4, с. 74.

Тот обижен подобным решением и обращается к родителям:
Государь ты мой родимый батюшка,
Государыня моя матушка!
Или я вам не тот же сын?
Или я вам не кормилец был?

Родители понимают, что поступили несправедливо: вопрос о том, кому идти в рекрутцы, надо решить жребием. В одном варианте жребий вытаскивает старший сын, в другом — средний, в третьем — младший.

На призывном пункте будущего солдата «ставили в меру»; если он не подходил по росту, отпускали домой («Ваню в меру становили, Ваня в мере не годился; Вышел Ваня, поклонился»), если же рекрут был здоров и подходил ростом, ему «брили лоб» («...И сказали Ване: «Лоб, таки лоб!» У Ванюшки сердце дрог, таки дрог!»). В песнях большое внимание уделяется стрижке новобранцев, вместе с кудрями молодец терял волю. В одной из песен «забритый» просит своих младших братьев:

Сберите, братцы милые, мои кудри русые,
Завяжите из в миткалевый платок,
Отнесите к матушке в терем высок.

В песне «Настя по саду ходила» рассказывается, что молодцу сковали ноги. Это не только поэтический образ: рекрутов действительно вели до места назначения вместе с преступниками, закованными в цепи. На ночь их загоняли в тюрьмы или остроги и держали под караулом. На рекрутских наборах наживались казнокрады. В XVIII веке бывали случаи, когда разворовывались целые наборы и предназначенных для армии людей продавали помещикам. Казнокрады-генералы присваивали себе казенные деньги. Академик А. В. Никитенко указывал на один из таких случаев: «Они (генералы.—А. К.) должны были препроводить к князю Воронцову семнадцать тысяч рекрутов, и препроводили их без одежды и хлеба, нагих и голодных, так что только меньшая часть их пришла на место назначения — остальные перемерли»¹.

Рекрута отправляли в казарму, где начиналось обучение — «сама главная неволюшка»². В песне «Уж вы ветры мои, вето-

¹ Никитенко А. В. Дневник, 1955, т. 1, с. 302.

² О нежелании некоторых крестьян идти на службу в феодальную армию говорится и в литературных песнях. Так, в «Песне Гренадерской» Петра Корабянова пелось:

Гренадеры, молодцы,
Други, братья, удальцы.
Ой, калина, ой, малина!
Станем, братцы, в круговую,
Грянем песню удалую,
Грянем песню, в добрый час.

А бывало, братцы, встарь,
Хоть дубиной приударь —
Не из чести, не из платы
Не идет мужик в солдаты.

Пальцы рубят, зубы рвут,
В службу царскую нейдет;
А когда служить сберется,
То как с жизнью расстается
Тут жена, и брат, и сват,
Гришка, Сидор и Кондрат
Как по мертвым зарыдают,
До кружала провожают,
Всей деревней заревут:
«Ваньку в рекрутцы сдают»
«Ах! прости навеки, Ваня,
Вот ужо те будет баня!..»

рочки» судьба рекрута сравнивалась со стоящей на берегу сосновой, которую подмывает река и поедает «горностай».

...Во солдатах пыл урежут,
мою волюшку возьмут...

Некоторые песни исполнены социального протеста. В одной из них, например, пелось о том, что «расхорощая барыня разорила село «Теплое Пилютино», «раздала крестьян... во молоденьки рекрутчики». Положение рекрута не улучшилось и после введения в России в 1874 году обязательной воинской повинности. Во многих из дошедших до нас песен этого периода по-прежнему повествуется о злоупотреблениях, которые имели место при призыва на службу: «Старшина ты, старшина, Рассуди наши дела, Не тех забрил в рекрута!.. Что в Софоновском правленье Нет рассудку ничего! Старшина судит за деньги, Писарь пишет за вино, Забрили милого моего...»

В бытовых солдатских песнях рассказывается о тяжелой солдатской жизни: о холодной, нетопленной казарме, о чувстве голода, которое не покидало «служивого». В песне «По дорожке да по широкой» солдаты спрашивают друг друга, где они будут во время похода «день дневать, ночь коротати?», и отвечают: дневать они будут «во чистом поле», а ночевать «во сыром бору», постелью им будет земля, одеялом — ветры, умыванием — дожди, утириением — трава. Ряд песен содержит жалобы на опустошающее душу солдата однообразие службы. Им нет отдыха ни днем ни ночью:

Что ни день-то, ни ночь
Нам, солдатушкам, угомону нет.
Темна ноченька приходит —
Нам солдатушкам в карауле быть,
Бел денечек наступает —
Нам, солдатушкам, во строю стоять...

Не легче служить в армии и казакам. В песне «Как при стежке, при дорожке стоял бел шатер» полковник спрашивает казаков, отчего они «худы и бледны». Казаки отвечают: «От того мы худы, бледны, что мы очень бедны; Как мы день-то во походе, а ночь в карауле; С караулов сменяемся, идем на бекеты (пикеты). — А. К); Со бекетов сменяемся, идем на секреты, не разуты, не раздеться». Особенно трудно приходилось солдатам в походе. В песне «Шли солдатушки слободой» солдаты зовут с собой красивых девушек, соловей предупреждает, чтобы те не слушали их «обманки» — у солдат домом служат горы:

Меж домами-то течет речка,
Течет речка да кровяная;
По ней струёчка слезяная.

В одной из песен девушка спрашивает солдата, женат ли он? Солдат отвечает: «Я женат, женат, девица, Я женат, женат, красная: Как жена моя, боярыня — Что фузея государева, А малые мои детушки — круглы пули свинцовые, А род-племя у молодца — Сума и со патронами Поместье и вотчина, Раздолье широкое. А жизнь и честь у молодца — Моя сабля булатная...»

Аналогичные ответы содержатся и в более поздней песне «Солдатушки, браво-ребятушки»:

Солдатушки, браво-ребятушки,
Где же ваши деды?
— Наши деды — славные победы,
Вот где наши деды!
Солдатушки, браво-ребятушки,
Где же ваши матери?
— Наши матери — белые палатки,
Вот где наши матери!
Солдатушки, браво-ребятушки,
Где же ваши жены?
— Наши жены — ружья заряжены,
Вот где наши жены!
Солдатушки, браво-ребятушки,
Где же ваши сестры?
— Наши сестры — штыки, сабли остры,
Вот где наши сестры!
Солдатушки, браво-ребятушки,
Где же ваши детки?
— Наши детки — пули наши метки,
Вот где наши детки!
Солдатушки, браво-ребятушки, Где же ваша хата?
— Наша хата — лагерь супостата,
Вот где наша хата...

В песне «Ты гулянье, гулянье мое» солдаты сетуют на то, что у них «Горе — горькое житье, Горе горькое кукушечье»: им надоело пить болотную воду, хлебать постные щи, есть вместо хлеба сухари.

Солдатская служба была тяжелой во всех армиях. Жалобы на нее содержатся в английских, немецких, французских, итальянских солдатских песнях. В словацкой песне «Белград», например, девушка спрашивает солдата, что они едят, тот отвечает: «Энаешь ли, мила, Какой наш обед? Наша еда — хлеб да вода. Вот наш обед! Энаешь ли мила, Где буду я спать? Там, где убьют, Там погребут, Там мне лежать»¹.

Однако песни рассказывают и о таких ситуациях, когда солдаты о сухарях и щах могли только мечтать. В песне о Севастопольской осаде, например, пелось о бедственном положении всей русской армии: «Мы приели всю мелку скотинку, Начинаем мы есть лошадей... Вместо соли мы ее солили из патронов мелким порошком... Нужду-горе претерпели». В песне «Ты долина ль моя, долинушка, раздолье широкое!» солдаты жалуются: «Поморил нас православный царь голодной смертью». В песне «Оборона Эирян», созданной по поводу защиты отрядом русских войск небольшого укрепления в горном Дагестане, говорится: «Мы рогату скотину Всю вконец перевели, Стали есть мы лошадины — И варили и пекли. Вместо соли мы солили Из патрона порошком, Сено в трубочках курили — Распростились с табачком! Обносились, оборвались, С плеч свалилось все долой — Тут-то мы хлопот

¹ Песни разных народов. М., 1854, с. 117.

набрались. Чтоб управиться с зимой! Мы рогожи одевали Вместо бурок и плащей, Ноги в коже зашивали После съеденных коней, Так кавказские солдаты Ходят об руку с нуждой. Завсегда горем богаты! Его носят за спиной!» Но и в обычных условиях мирной жизни солдаты «ходя — наедятся», «стоя — выспятся».

В солдатских песнях больше, чем в былинах и исторических песнях, бытовых подробностей воинской службы. Песни выражали скорбь по поводу того, что приходилось покидать родные места¹ и идти в поход в далекую «неметчину», «туретчину» или на «крутые горы» Кавказа. На чужой стороне жить труднее. В песне «Уж ты зимушка-зима» у солдата «мрет сердце» от того, что приходится покидать родной дом. В песне «Взятие Варны» солдаты плачут о далекой родине, тужат о родственниках.

Одной из нетерпимых бед солдата были телесные наказания. Среди командиров бытова ла поговорка: «когда солдат палки не боится, ни в строй, ни в дело не годится».

В песне XVIII века, сложенной от имени подьячего: «Прочь бегу я от чернил», подьячий готов пойти в солдаты «не робея», стоять в сражении, но боится порки: «...Да беда везде за нами, Бьют там больно батогами...» В песне «Подымались буйны ветры со горы» солдат жалуется: «А сказали: во солдатах хорошо,— По три денежки во сutoчки дают, По сту лозанов во спинушку кладут...» Битье солдат было распространенным во всех армиях. Об этом пелось, например, в немецких солдатских песнях. В польской солдатской песне «Кто желает жить богато» рассказывалось о том, что в армии солдат напьется горьких слез, «связку палок за ним носят, муштруют...», отнимут здоровье. Когда солдат умрет:

Трижды выстрелят из ружей,
Тут же реквием отслужат,
Как положено уланам,
Гроб проводят с барабаном.

В начале XX века известный военный деятель генерал М. И. Драгомиров писал об офицерах, занимающихся «рукоприкладством»: «И как не приходит в голову этим господам, что их морда слеплена из той же самой глины, что и солдатская, и что если солдат об этом догадается, то нехорошо будет»².

В некоторых солдатских песнях выражалась жалоба на немцев-офицеров, которые служили в русской армии.

Беда заключалась в том, что «начальник немчин» «бил, губил солдатушек напрасно». Засилье иностранцев приняло губительные формы в XVIII веке при Бироне и Минихе. «В царствование

¹ Так, например, в «Солдатской песне» времен Николая I поется: «Ох, жизнь молодецкая, Бравая, солдатская! Как осенняя ноченька. Ты грустна и пасмурна: На чужой сторонушке Вдалеке от миленькой...» (Досуги Марса. Спб., 1834, с. 241).

² Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. Сб. статей. Спб., 1909, ч. II, с. 486.

Анны,— пишет современник-иностраниец,— все главнейшие должности были отданы иноземцам, которые распоряжались всем по своему усмотрению, и весьма многие из них слишком тяжко давали почувствовать русским власть, бывшую в их руках: они обращались очень высокомерно и с пренебрежением». Недоверие к офицерам-иноzemцам сохранилось в русской армии вплоть до революции 1917 года¹.

Солдатские и казачьи песни рассказывали о том, что служба до неузнаваемости изменяет человека. Состарившегося в армии и возвратившегося домой воина не узнают даже родные. В одной из песен пелось о том, что женщина проводила в армию мужа и сына, ждала двадцать лет, а когда они вернулись, не узнала их². Аналогичная ситуация в песне «Закатилось вот красно солнышко». В ней двое служивых пришли в деревню и просятпустить их ночевать, хозяйка отвечает, что ей нечем их накормить. Гости спрашивают, о чем она плачет, та отвечает: что в армии муж и сын, от которых она не получала известий 25 лет. Солдаты отвечают:

Призной мужа в одном, хозяйка,
Призной сына-сокола в другом.

Какова же была судьба солдата по окончании «царской службы»? В песнях этой тематики рассказывалось о том, что, если солдату и удастся отслужить в армии «царский срок», по окончании его ждала нищенская suma («А дотянемся, с богом, Лямки царской срок, Клянчай по дорогам, Да иди в острог. До могилы дружбы Не забудь с сумой, Ежели со службы Не прошел «сквозь строй»!»). Выйдя в отставку, некоторые солдаты зарабатывали себе кусок хлеба на народных гуляниях в качестве балаганных «дедов». Они выступали перед зрителями с ящиком с передвижными картинками и сопровождали показ этих картинок различными песнями, шутками и прибаутками. «Деды» веселили народ юмористическими рассказами, остротами по поводу ленивых жен, «чудаков-бедняков», у которых «в кармане ни гроша да прореха», и историями из своей солдатской жизни. Такова, например, интермедиа между старослужащим солдатом и новобранцем, в которой «речь шла о

¹ Офицер наш был немецкий.

Всю Россию он продал,
Он набил свои карманы,
Сам он к черту убежал.

(Лазутин С. Г. Русские народные песни. М., 1965, с. 219.)

² Подобные сюжеты излагались в балладах и в литературных солдатских песнях. Так, в популярной песне Г. Малышева «Свиданье через пятнадцать лет» («Эвенит звонок; и тройка мчится...») рассказывается о возвращении солдата с военной службы домой, где его не признали ни мать, ни сестры. Солдат говорит им: « — Я вам принес письмо от сына. Эздоров он, шлет со мной поклон. — ...Наш сын! Наш брат! — тогда вскричали Родные кровные его...» (русские песни XIX века /Сост. проф. И. Н. Розанов. М., 1944, с. 344); см.: Народные баллады. М.— Л., 1963 («Библиотека поэта». Большая серия).

военном артикуле, разных трудностях и несправедливостях солдатского житья».

Лишь в немногих солдатских песнях поется о том, что, вступив в армию, человек обретает другое, более легкое существование. Такова, например, песня «Не тужи, драгун, не думай...». В ней выражается радость по поводу освобождения от тягот крестьянской жизни.

Что же заставляло солдат честно служить в армии и подчас идти на смерть? Прежде всего, любовь к родине, к стране и народу, среди которого человек родился, возмужал и вырос, нравственное сознание или чувство, то внутреннее понимание добра и зла, которое руководит всеми делами честного человека.

В эпических песнях происходит дальнейшее развитие и конкретизация народного представления о героике. Они энергичны и мужественны, в них выявлены присущие народному характеру оптимизм, несгибаемое мужество, сила и бодрость. Лев Толстой писал: «Солдатская песня возводительно действует на человека, и при звуках песни иначе говорится, иначе слушается и ходится военным людям»¹.

Мы не будем касаться «ура-патриотических» песен, которые прославляли царя, его «верных слуг» и по приказу внедрялись в армию. К этим «казенным» песням солдаты относились по большей части равнодушно.

В солдатских песнях прославлялась родина, а не правительство. Образ родины в песнях XVIII века еще не получил конкретных очертаний. Напомним, что абстрактно-аллегорическое представление о родной земле присуще и художественной литературе этого периода.

Песни создают исторически изменяющийся коллективный образ солдата, который выдвигается на первое место, оттесняя царя или военачальника. Солдат изображается не только как «добрый молодец», внешность которого характеризуется постоянными эпитетами: *буйная голова, белая грудь, белые руки, резвые ноги, ясные очи, желтые кудри*. Портрет этого героя исторически конкретен. Из песен нам известно, что голова солдата «принапурдена», на нем «мундирушка», «сукно зеленое», большое внимание уделяется оружью: пушкам, ружьям — «ружья светлые», «штыки присажены», «сабли вострые», «ранцы рыжие», пороху, ядрам, обстоятельствам жизни и быта: «постны щи», «оржаные сухари», «лагерь», «колонны», «шанцы», «редуты», «приступ», полковому или ротному учению. Определяется принадлежность к роду войска и даже воинской части: «храбры гренадеры», «пехота», «конница», «драгуны», «солдатушки преображенские и семеновские».

В некоторых солдатских песнях прославлялись военная дисциплина и порядок, традиции и товарищи.

Попадая в армию, вчерашний крестьянин оказывался в новой

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та т. М., 1949, т. 13, с. 437.

обстановке; в его психологии, взгляде на жизнь происходили перемены. Он жил в кругу товарищей, обогащался их опытом. На войне большое значение имеет взаимная выручка. Это отразилось в солдатских и казачьих песнях; например, в песне «Ой да не буйн то ветерок поносит» поется о том, как казаки спасли своего товарища: «Ой да на коней-то казаки сажались, В темный лес бросались, Ей, все бросались, Ой да своего-то казаки товарища Они отбивали, Ей, отбивали...»

Солдаты гордились воинской доблестью своих товарищей.

В песне «Служба явлена в поход» жена провожает казака в поход и в слезах просит вернуться. Тот твердо отвечает, что не может этого сделать, все его друзья «во строю стоят», и его дожидаются.

Нравственный облик солдата в песнях чаще всего возвышен. Каждый солдат представляется смелым, дисциплинированным, решительным, находчивым, честным: с достоинством несет возложенную на него службу.

Солдат в песнях носитель нравственных качеств, сформировавшихся еще в деревне, под воздействием всего хода исторической жизни, и отражает черты национального характера русского человека.

Л. Н. Толстой писал: «Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняющем и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты речи, воинственные крики, песни и барабаны; для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности, напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера»¹.

В солдатских песнях ценят активность человека, его деятельность, стремление достигнуть поставленной цели.

В солдатских песнях события оцениваются с помощью критерия справедливости, добра, ясности и простоты. Подлинный героизм совершается в них без аффектации, спокойно и незаметно.

Среди песен, прославляющих подвиг солдата, следует назвать песню времен русско-японской войны (1904—1905), рассказывающую о подвиге рядового из охотничьей команды¹ 284-го Чембарского полка Василия Рябова, который переоделся в китайскую одежду, пошел в разведку, но был схвачен и расстрелян. Это одна из первых популярных песен о подвиге солдата-разведчика. В новых исторических условиях она продолжает эпическую тему

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. Юбилейное издание. М.—Л., 1928—1934, т. 3, с. 70—71.

¹ Охотник — человек, поступивший добровольно на службу.

стойкости русского воина, попавшего в плен к врагу:

Вы, сибирцы удалие,
Вспомним славу Рябова.
Привет:
На разведку боевой.
Э-э-эх, герой,
Рябов был солдат отважный,
Не боялся ничего.
На разведку он ходил,
Все начальству доносил...
Рябов спрятаться хотел
В чистом поле, не успел.
Тут разъезд его схватил
И к допросу приступил.
— Расскажи-ка ты, наш брат,
Сколько есть у вас солдат,
И какой ваш генерал,
И куда он путь держал,
Сколько пушек впереди
Сколько войска позади.
Если скажешь,— наградим
И отпустим ко своим,
А не скажешь, как шпион,
Будешь нами осужден.
— Не скажу я вам ни слова.
На то русский я солдат...

Рябов был расстрелян; он изумил японцев спокойным отношением к смерти, непреклонной волей к выполнению возложенного на него долга. В письме, отправленном русскому командованию, капитан штаба японской армии писал: японская армия «не может не высказать искреннее пожелание уважаемой армии, чтобы последняя побольше воспитывала таких истинно прекрасных, достойных полного уважения воинов, как означеный рядовой Рябов... Присутствовавшие не могли удержаться от горячих слез. Сочувствие этому искренно храброму, преисполненному чувства своего долга, примерному солдату достигло высшего предела»¹.

Меньше песен о солдатах, не выдержавших тяжелой службы и дезертировавших из армии. В одной из них поется: «Человек бедный, солдат беглый. Он не сам пошел, не своею охотою, Довела его нужда крайняя, Нужда крайняя, служба царская».

Солдатские песни воспевали полководческое искусство выдающихся русских военачальников: Петра I, Шереметева, Румянцева, Суворова, Кутузова, Платова, Нахимова, Корнилова и др. В песнях эти полководцы заодно с народом и в отличие от других представителей господствующего класса являются солдатскими заступниками, воплощают желания и чаяния народа, руководятвойной. По своей поэтике многие из этих песен близки к историческим песням, поэтому останавливаются на них подробно мы не будем. Центральным образом песен является коллектив — солдаты, поэтому в них чаще говорится «мы» и почти не встречается «я».

¹ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1950, т. 1, с. 288.

Песни чаще всего поют о том, что исход сражений решает «армеюшка» — мужество и стойкость самих солдат.

До нас дошло много песен, посвященных героической обороне Севастополя (Крымская война 1853—1856 годов). Эта оборона осознавалась как кровное, народное дело защиты своей земли. Лев Толстой, принимавший непосредственное участие в боях, отметил патриотическое воодушевление, с которым сражались солдаты и матросы. «Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия,— писал он,— должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого — любовь к родине».

Известно, что у входа в Севастопольскую бухту были затоплены старые корабли, чтобы преградить флоту противника доступ к городу. Матросы и офицеры с этих кораблей пополнили ряды защитников. В песнях поется о том, что матросы готовы выполнить свой долг, потеряв флота не может оставить их равнодушными: «Мы не только песни пели, Но и пла... но и плакали. Эх, эй, да корабли в бухте топили. Слезы капали...»¹.

В 1877 году вспыхнула русско-турецкая война. Она была вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканах: восстанием против османского ига в Боснии, Герцеговине и Болгарии. На защиту болгар выступила Россия. В борьбе против Османской империи приняли участие румынская армия и черногорские отряды. Русские солдатские песни отметили освободительный характер этой войны. В одной из них к русским обращается с просьбой болгарин:

Защитите-ка, родные,
От проклятых басурман,
Вы не дайте нам погибнуть,
Всем славянским головам...

В 1877 году значительные силы турок были осаждены в крепости Плевна. К ним на помощь через Балканский хребет пробивалась турецкая армия под командованием Сулейман-паши. Перед русскими встало задание задержать эту армию на Шипкинском перевале. Русские войска совместно с болгарскими ополченцами около четырех месяцев под непрерывным огнем, при сильных морозах и метелях сдерживали численно превосходящего противника. «Осажденные отбивались камнями, бревнами, всем, что имели под руками». Об этом знаменитом сражении пелось во многих солдатских песнях. В песне «Как мы стояли на Шипке» рассказывается:

Вспомним, братцы, как стояли
Мы на Шипке в облаках,
Как мы турок отгоняли,
Нагоняли на них страх,
Рано, рано на рассвете,
Чуть забрезжит лишь туман,

¹ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области в 1931—1949 годах /Сост. В. А. Кравчинская и Г. Г. Ширяева. М.—Л., 1950, с. 99.

Вновь на Шипку наступает
Недобитый Сулейман.
Все турецкие аскеры¹ .
Шипку били прямо лбом.
Мы угощали их без меры
То прикладом, то штыком.
Временами плоховато,
Не щадил нас господь бог:
От рассвета до заката
Отдохнуть никто не мог.
Свисты пуль и гром гранаты
День и ночь над головой,
Голод, холод.— А, ну, ребята,
Приготовься снова в бой!
Много кровь мы пролили,
Много бед повынесли,
Мы про Шипку не забыли.
Горе, муку вынесли.
Мы на Шипке вражью свору
разметали, разнесли,
Это было в трудну пору,
Не забудем про те дни.

28 ноября (10 декабря) 1877 года Плевна пала. О подвиге русских солдат в этой войне рассказывает надпись на мраморной доске, воздвигнутой в центре города: «Они — богатыри необъятной Русской земли, вдохновленные братскими чувствами к порабощенному братскому народу, перешли великую славянскую реку Дунай, вступили на болгарскую землю, разбили полчища врагов, разрушили турецкую тианию, сломали цепи пяти векового рабства. Своей героической кровью они наполнили болгарские нивы, своими богатырскими kostями усеяли поле браны. Они отдали самое дорогое — свою жизнь — за наивысшее благо болгарского народа — за его свободу».

Русские солдатские песни пели украинцы, белорусы, молдаване, латыши, ополченцы болгары, румыны — все, кто принимал участие в боях с османским войском. Много русских солдатских песен о войне 1877—1878 годов, и в частности о взятии Плевны, сохранилось в историческом болгарском, румынском и молдавском фольклоре. В некоторых современных болгарских песнях использованы их мелодии и художественные образы. В болгарских песнях упоминаются русские генералы Гурко, Скобелев, руководитель болгарских дружин Столетов, но победа представлена как результат доблести русских солдат и казаков; рядом с ними сражаются болгарские «юнаки».

* * *

С ростом классового самосознания солдат пассивные жалобы на тяготы и лишения сменились в песнях открытым протестом, приводили к мысли о неизбежности борьбы с царизмом.

¹ Аскёр — турецкий солдат.

Крымская война показала гнилость крепостнической системы в России. Народ кровью заплатил за реакционную политику самодержавия. В солдатских песнях того времени рассказывалось о том, что перед лицом вооруженного врага в Севастополе русские солдаты лишены были необходимого вооружения и продовольствия (выше был приведен отрывок из одной подобной песни: «Мы приели мелку скотинку. Начинаем мы есть лошадей...»). Появлялось все больше песен о бездарности командования, по вине которого гибли сотни тысяч русских солдат. В 1857 году в «Полярной звезде» А. И. Герцен опубликовал «Песни крымских солдат», среди которых была песня неизвестного автора «Как восьмого сентября» и песня «Как четвертого числа». (В сочинении этой песни принимал участие Л. Н. Толстой.) Эти песни осуждали неспособность генералов руководить военными действиями¹.

Песни русско-японской войны 1904—1905 годов не только прославляли геройство русских солдат и матросов, но и осуждали царизм. Повторялся старый мотив фольклора: горькое осмеяние властей, не способных организовать борьбу с врагом.

Ни в былинах, ни в исторических песнях не ставился вопрос о том, нужна народу та или иная война или не нужна. Теперь появились солдатские песни, осуждающие войну. Так, в песне «Ах, за что нас забрили в солдаты» воин спрашивает, чем он виноват, если вырос «на лишний вершок» и из-за этого был признан годным в армию, оставил мать и жену. Конец песни пессимистический: солдат рассказывает, что за пролитую кровь он и его товарищи получат в награду осиновый крест. Аналогичные настроения содержатся и в песне «Да распроклятая служба».

В солдатском репертуаре появились песни о том, что под воздействием палочной муштры солдат становится послушным, бездумным защитником самодержавия (песня «Далеко в стране Востока»). Однако царь и министры не заботятся ни о солдате, ни о его близких. Бытовали песни о солдатах, возвратившихся домой на «казенках», т. е. костылях, или с «царевой» (деревянной) ногой.

Эти песни новобранцы распевали во время своего долгого пути на Дальний Восток. Недовольство охватывало их все больше по мере приближения к фронту. Один из участников русско-японской войны рассказывал: «Не успевала закончиться одна, как, смотришь, из какого-нибудь угла вагона уже несется новый м-

¹ Они близки к оценке, которую дал царю и его генералам Н. А. Некрасов в «Корабейниках»:

Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко.
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стон стоит по деревням.

тив песни, который тут же подхватывается почти всеми новобранцами. Удивительно то, что они пели всем вагоном. Оказывается, люди из разных мест Сибири знали одни и те же песни и пели их очень дружно. То же самое я наблюдал и на фронте. Стоило только запеть, как находились десятки людей, знающих эту песню. Благо, что дорогой мы могли петь любые песни, потому что офицеры, их благородие, ехали от нас отдельно¹.

Ленин писал о поражении России в русско-японской войне: «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»².

В солдатском репертуаре нашла отражение и первая мировая война (1914—1917). Старые солдатские и казачьи песни переделывались сообразно новым условиям и ситуациям³. Очень скоро начали создаваться новые солдатские песни, однако в старых, традиционных формах. По сравнению с песнями XVIII—XIX веков налицо было измельчание традиции: большая детализация, цифровая точность, этнографическая конкретность, они удаляли песню от обобщенного, «цельного» изображения войны, какое было раньше. Изменившийся характер войны требовал новых художественных образов, но это обновление происходило медленно.

Впервые появились песни городских рекрутов. В армии все больше слагают песен, фиксирующих весь путь, который приходилось пройти мобилизованному новобранцу:

Нас в казармы всех собрали,
По кусочку хлеба дали,
Мы на нарах разлеглись,
Троє суток протолклись,
Нас тут долго не учили,
По «чугункам» усадили
И погнали на воину,
В чужедальнюю страну.

Особенно много песен было сложено об окопах, где солдата в любую минуту ждала смерть.

Песни содержали традиционные жалобы на то, что первая кровавая жертва войны — это солдаты:

Опоили землю-матушку,
Опоили кровью русскую,
Кровью русскую — солдатскую.
Уж ты смой, вода студеная,
Ты залей нам раны жгучие,
Припокрай, сосна зеленая,
Нам головушки победные.

¹ Элиасов Л. К. Фольклор Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1973, ч. III, с. 397.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 158.

³ Солдатские песни отличаются свободным обращением с материалом: для более яркого изображения факты перегруппируются, заново интерпретируются, обобщаются, осложняются поэтическим вымыслом. Подобное творческое отношение к историческим событиям и именам не снижало их достоинства, а, наоборот, делало особенно близкими и любимыми в народе, способствовало их популяризации и долговечности.

В подлинных солдатских песнях не выражалось остро неприязненного отношения к простому народу — немцам или австрийцам. Осуждался германский император Вильгельм II как один из зачинщиков этой кровавой бойни.

В конце войны все больше появлялось песен, повествующих о том, что русский и германский цари заодно: они стараются погубить как можно больше людей. Рассказывалось, что война начата для того, чтобы отвлечь внимание народов от революционной борьбы. Среди солдат бытовала песня:

Шлет Вильгельму царь пакет.
У него просит совет.
«Отпиши, дружок, ты мне,
Нет ли средства у тебе
Моему горю помочь
И людей моих побить?..
А то много развелось,
Жить мне мало осталось,
Скоро свергнут они меня
И доберутся до тебя!
А миллионов пять побьем —
Еще с полвека проживем!»

Народ жаждал мира и свободы и был готов бороться за них с оружием в руках.

На песни первой мировой войны большое влияние оказала революционная поэзия.

Солдатские песни пользовались любовью в широких слоях общества. В тех случаях, когда они выражали взгляды народа, они становились народными.

* * *

Среди солдат большой любовью пользовались «литературные» песни. Остановимся на двух. О войне 1812 года сочинена «отставным фанагорийского, grenадерского полка солдатом Никанором Остафьевым» песня «Братцы, грудью послужите...»¹. Наполеон представлен в ней как поработитель народов и захватчик. В песне говорится, что французская армия состоит из насильно мобилизованных солдат различных народностей и при первом значительном ударе не только потерпит поражение, но и обратит свое оружие против узурпатора («С принужденьем все идут: При чувствительной потере На него же нападут...»). Европа ждет, когда русская армия нанесет этот удар («Вся Европа ожидает Сей погибли его; Бонапарта почтает За злодея своего. Ах, когда слух разнесется, Что от нас сей враг исчез, Слава русских вознесется До превыспренных небес»).

Известностью среди участников войны 1812 года пользовалась «Народная песня» И. М. Коваленского (1790—1855) «За горами, за долами Бонапарте с плясунами...». Песня сатирически

¹ Русские песни XIX века. М., 1944, с. 304.

изображает Наполеона. Император французов решил пойти на Русь: «пройтись барыню» — заставить поплясать русских. Сражение при Бородине не отбило у него этой охоты, и он двинулся дальше, на Москву. Кутузов пригласил Наполеона «поплясать» с ним:

— Видно, хват ты из французов,—
Говорит ему Кутузов.—
Нет, брат, погоди,
Шаркать мастер ты игою,
Сем попляшем мы с тобою,
Ну-тка выходи.
Бонапарту не до пляски,
Растерял свои подвязки,
Хоть кричать pardon.
Бросив пышные ухватки,
По-цыгански, без оглядки
Шаркнули назад.

Отечественная война запечатлена и в народной драматургии. Вскоре после 1812 года была сочинена, вероятно в солдатской среде, комедия «Как француз Москву брал»¹.

В начале XX века литературные песни приобретают в солдатской и матросской среде все большую популярность. В связи с появлением паровых кораблей в матросские песни приходит новый герой: кочегар или машинист. Старый образ матроса тоже претерпевает изменения. В нем все меньше от крестьянского фольклора, все чаще восхваляется активная деятельность коллектива, а не одинокого «сокола», как в песнях XVIII века. В популярной песне о гибели русского крейсера «Варяг», который после боя с японской эскадрой был взорван своей командой, чтобы избежать плена, пелось:

Наверх вы, товарищи, все по местам:
Последний парад наступает —
Врагу не сдается наш гордый «Варяг».
Пощады никто не желает...
И с пристани верной мы в битву пойдем
Навстречу грядущей нам смерти,
За родину в море открытом умрем...
Не скажет ни камень, ни крест — где легли
Во славу мы русского флага.
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга».

В песне, посвященной этому событию, начинающейся словами «Плещут холодные волны», рассказывается о прощании команды «Варяга»:

Чайки, снесите отчине
Русских героев привет.
Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть,
Что в битве врагу не сдалися —
Пали за русскую честь.
Мы пред врагом не спустили

¹ Русская народная драма XVII—XVIII веков /Ред., вступ. статья и коммент. П. Н. Беркова. М., 1933.

Гордый Андреевский флаг:
Сами взорвали «Корейца»,
Нами потоплен «Варяг».

В этих песнях ярко выражено патриотическое начало.

* * *

В солдатской песне рассказывается о частном, конкретном, вещественном, но все подчинено цели дать представление об общем. Этим общим является любовь солдата к родной земле, жизнь его в армии, история. Песни излагают события как рассказ, воспоминание участника или очевидца этих событий. Однако часто прошедшее излагается как настоящее.

Главное внимание уделено действию, подвигу, выражению отношения к нему со стороны поющегого. Необходимость выполнения воинского долга, совершения подвига никогда не вызывает раздумий. Декларируются идеальный образ героя, его стойкость и смелость, которые должны вну什ить уверенность в победе. Героическая сущность этого человека раскрывается иногда в его гибели, в невозможности одолеть неодолимое, в проявленной до конца стойкости.

В солдатских песнях часто встречается образ поля. Распространенным был сюжет об умирающем на поле боя воине. В песне «Уж как пал туман» рассказано, что в поле на ковре лежит добрый молодец и «прижимает платком рану смертную». Около него стоит конь и бьет копытом, словно приглашая сесть в седло и поехать домой. Молодец знает, что скоро умрет, и просит коня передать жене, что женился «на другой жене, Что за ней... взял поле чистое...».

В песнях часто встречается образ заброшенной, «непробойной» шлях-дороженьки. Этот образ восходит еще к былинам об Илье Муромце.

Солдаты, в большинстве своем выходцы из деревни, были еще близки к природе, чувствовали себя частью ее. Не случайно герои солдатских песен разговаривают с животными, с реками, с деревьями и кустами. В песне «Как ты, батюшка, славный тихий Дон» казаки спрашивают Дон, почему он стал мутным, тот отвечает: «Уж как-то мне все мутну не быть? Распустил я своих ясных соколов... донских казаков...» В песне «Воздалече было воздалеченько» раненый казак просит своего коня отвезти его к «отцу-матери, молодой жене, малым детушкам».

В песнях устойчивый образ заброшенной на чужбине могилы, которую не смогут посетить близкие погибшего солдата. Распространен образ кукушки-горюшки, являющейся символом одиночества, бездомности и тоски.

Во многих песнях созданы трогательные женские образы. Весьма распространен образ матери, которая с болью и слезами провожает сына в армию: «Не чаяла моя мамынька своего сына

избыть». В песне «Разливалась весной полая вода» молодой солдат просит передать матери поклон и сообщить, что он не вернется домой раньше зимы.

Подобные сообщения встречаются и в песнях других народов. Так, в сербской народной песне умирающий на поле битвы Андриаш просит брата передать матери, что он остался купить ей подарки. Мать спрашивает, когда он вернется. Брат отвечает: когда ворон побелеет, а засохший клен зазеленеет. В польской песне «С того берега на этот уланы едут» тонущий солдат просит сказать матери, что он женился «в реке Воронка», дружки у него «мальки да раки», сваха — желтая глина¹. В английской песне матери говорят, что Джон уехал купить ей платье².

Любовь невесты к солдату-воину так велика, что та готова ради него пойти на любые жертвы. В песне «Панья пану да говорила» девушка просит воина взять ее с собой на службу.

Солдатским песням присуща бытовая, военная, политическая лексика, называются предметы обихода солдата, имеются слова, обозначающие природу данной страны или края. Стиль многих песен повышенно-эмоциональный, экспрессивный.

В солдатских песнях часто используется монолог: солдат рассказывает о трудностях своей жизни, вспоминает о семье и родной сторонке. Монолог чаще всего выдержан в элегическом тоне и должен вызвать сочувствие к горючим солдатским слезам, связанным с разлукой с родными или любимой девушкой. В песнях применяется также прямая и косвенная речь. Диалог в песнях чаще всего происходит между солдатом и его товарищем по службе, между сыном и матерью, солдатом и девушкой, раненым воином и конем, солдатом и елью или каким-либо другим деревом. Часто этот диалог носит драматический характер. Так, например, в разговоре раненого воина с конем воин узнает, что его ожидает смерть либо вражеский плен.

Солдатские песни всегда коротки, они прерываются повторениями, обращением певца к себе, к товарищам либо к другим людям, слушающим песню, к природе. Подобные обращения-вставки усиливают эмоциональность песни.

Песни имеют запев в виде образного параллелизма. Так, в песне о Суворове движение солдат сравнивается с движением туч. В некоторых песнях — «усеченные» концы фраз, что придает им энергичный, ударный характер. Слова и предложения в песнях четкие, что сообщает им собранность и волевую целенаправленность. Некоторые фразы повторяются, происходит своеобразная перекличка, когда фраза, начатая одним певцом или группой, перехватывается другими и создается впечатление диалога (например, в песнях «Взвейтесь, соколы, орлами», «Бороди-

¹ См.: Польские песни. М., 1954, с. 213.

² См.: Сумцов Н. Ф. Народные песни о смерти солдата.— Этнографическое обозрение. М., 1893, № 1, с. 60.

но»). Имеются песни, составленные в форме вопросов и ответов (такова широко известная песня «Солдатушки, браво-ребятушки»¹), написанные в форме послания с фронта или на фронт. Этот жанр получил распространение в XIX веке и стал популярным в советской военной песне.

В маршевой солдатской песне наиболее эмоционально насыщенная часть — припев. Он отличается от остальной песни не только краткостью, но и ритмом. В припеве заключена главная мысль песни, он звучит как приказ, боевой лозунг, призыв. Припев должен легко запоминаться.

Текст и мелодия в солдатской песне связаны между собой, дополняют друг друга, выявляя те или иные моменты в выражении чувств.

Среди солдатских песен следует отметить походно-строевые песни с марсовым ритмом. «Бодрый, энергичный, с оттенком молодецкой удали — характер этих песен типичен для многих произведений солдатского фольклора»², их исполняли в пехотном строю. Песни кавалеристов отличаются «широкой мелодического дыхания, неторопливым развитием напева. Строение... большей частью несимметрично, что весьма характерно для всех протяженных песен. Распеваемый текст нередко прерывается широко развитыми музыкальными фразами на возгласе «Эх»³. Об этих песнях сказано, что «рядом с могучим, широким раздольем, бодростью и силой» в них всегда присутствует оттенок «светлого торжества, ликующей победы и в себе уверенного спокойствия»⁴.

Некоторые песни по своей интонации близки к «городскому романсу». Такова, например, песня «Вспомним, братцы, Русь и славу», по мелодике близкая к популярной песне-вальсу «Златые горы».

Гоголь писал: «Песни — это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа... Историк не должен искать в них [песнях] показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции, в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выплыть дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне, история народа разоблачится перед ним в ясном величии».

¹ По типу этой песни во время Крымской войны была создана песня ратников Севастопольского ополчения: «Уж вы братцы-дружинники, Где же ваши братцы?» — спрашивает запевала, ратники отвечают: «Все армейцы — наши братцы. С басурманом будем драться. До последней капли крови...» (Русский фольклор. М.—Л., 1961, т. VI, с. 262).

² Юденич Н. Старая солдатская песня.— Советская музыка, 1953, № 2, с. 71.

³ Там же.

⁴ Лопатин Н., Прокуни В. Сборник русских народных лирических песен. М., 1889, ч. 1, с. 213.

ВОЕННАЯ ГЕРОИКА В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Поговорки и пословицы (сжатые изречения народной мудрости) «обобщают такой социально-исторический и житейски-бытовой опыт народа, о котором полезно помнить и который выражен в них как неоспоримая истинаЯ¹.

Язык военных приказов и уставов, язык полководцев, выступавших накануне битвы с речью, отличался краткостью, энергией и шел от сердца к сердцу. Этот язык способствовал образованию изречений воинской мудрости.

Пословицы и поговорки, или, как их называли, притчи, в большом количестве содержатся в памятниках древнерусской литературы. Например, киевский князь Святослав Игоревич (ум. в 972 г.), совершивший много успешных походов, перед одним из сражений произнес перед воинами речь, в которой были такие слова: «Да не посрамим земле Руские, но ляжем костыми, мертвые, ибо срама не имам»². «Лечь костыми» стало поговоркой.

В главе о былинах мы говорили о том, что Добрыня и Путята крестили новгородцев. Это событие было закреплено в сознании народа пословицей, приведенной в летописи: «Добрыня крести мечом, Путята — огнем». В Ипатьевской летописи 1148 года приводится пословица: «Мир стоит до рати, а рать до мира».

¹ Русское народное поэтическое творчество. М., 1971, с. 75.

² Полн. собр. русских летописей. М., 1962, т. 1, с. 70.

По смыслу ее сближают с известной латинской пословицей: *Sivis pacem, para Bellum* («Хочешь мира, готовься к войне»).

Многие русские писатели и полководцы любили пословицы: в 1717 году Петр I писал из Амстердама полковнику Левашову: «Господин полковник! В бытность Вашу в Копенгагене приказывали мы Вам через деньщика Юрова о книжке, которая у Вас есть о русских пословицах, чтобы ее нам прислать, о чем и ныне напоминаем, дабы ту книжку, списав ее, прислать нам». В своих письмах и приказах Петр I часто прибегал к пословицам. В письме адмиралу Апраксину о предстоящих военных действиях он писал: «Мы не знаем, что будет, но ежели бояться несчастья, то и счастья не видать». В Уставе воинском 1716 года им записано: «Грудь солдата — защита отечества». В письме к адмиралу Крюйсу он писал: «Бояться пульки — не идти в солдаты». В указе от 13 января 1720 года об издании Морского устава: «Всякий potentat, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

Суворов использовал пословицы и поговорки в своих приказах, рапортах, письмах, памятках, обращенных непосредственно к солдатам. Особенno много их было в его знаменитой «Науке побеждать». Некоторые из этих изречений не потеряли своего значения и в наше время. Таковы, например: «Войско необученное, что сабля неотточенная»; «Дисциплина — мать победы»; «Уши оттирай снегом, труса лечи опасностью»; «Где тревога, туда и дорога». М. И. Кутузов оставил нам пословицы, которые сохранились в солдатском быту до нашего времени.

«Чего не могут сохранить камень и медь, что изглаживается из хартий,— писал русский фольклорист и этнограф И. М. Снегирев,— то нередко соблюдается в живущем глаголе народа — пословице и песне, кои, переходя из уст в уста, от одного поколения к другому, напоминают потомкам о событиях и предках...» Имеются пословицы времен «Ледового побоища» (1242). Они говорят о военной силе русских городов Пскова и Новгорода: «Из Волхова воды не выпити, во Новгороде людей не выбити»; «Кто против бога и Великого Новгорода?» Вероятно, к этому времени относится появление выражения «подложить свинью»: Свиньей назывался боевой порядок, при котором рыцари клином врезались в строй противника (русские на льду Чудского озера учли это и, поставив на флангах наиболее сильные отряды, охватили «свинью» с боков). О «смутном времени» напоминает поговорка: «Пришли казаки с Дону, прогнали ляхов до дому». Об ополчении Минина и Пожарского: «Новгород Нижний — сосед Москве ближний». Об осаде Троице-Сергиева монастыря под Москвой: «Поляки с пушками, а монахи с клюшками»: о Северной войне и поражении Карла XII: «Погиб, как швед под Полтавой» и «Задать переволочку»¹. О Семилетней войне (1756—1763): «Мо-

¹ Переволочна — крепость на левом берегу Днепра. 30 июня 1709 года здесь капитулировали остатки шведской армии Карла XII, разбитой под Полтавой.

лода — с Саксонии не была»; о войне 1812 года: «На француза и вилы ружье»; «Сам себя сжег француз, сам и поморозил, отогрелся в Москве, да замерз на Березине»; «Голодный француз и вороне рад»¹; «Был Неопален², а из Москвы вышел опален»; «Летит гусь на святую Русь»; «Русь, не трусь, это не гусь, это вор-воробей, вора бей — не робей».

Зашиту родной земли от врагов народ рассматривал как свою главную задачу и выразил это в пословицах. О любви к родине и необходимости защиты отечества говорят пословицы: «С родной земли — умри, не сходи»; «Русский терпелив до зачина»; «Своя земля и в горести мила»; «Человек, идущий в бой,— святой»; «Русский солдат не знает преград»; «Русский с мечом не шутит»; «Лучше смерть, чем позор»; «Службу служи, а сам не тужи».

Многие пословицы и поговорки выражают стойкость, храбрость, бесстрашие, находчивость русского воина: «Славна богатырями земля Русская»; «Русский в поле не сробеет»; «В согласном стаде — волк не страшен, а храбрость крепче стен и башен»; «Храбрость превосходит силу»; «Храбрость и умение рождают победу»; «Кто смел, тот наперед поспел»; «Враг боек, да русский стоек»; «Найдчивость в бою — великая сила»; «На всяку беду страху не напасешься»; «Побеждает тот, кто не дает себя запугать»; «На печи не храбрись, а в поле не трусь»; «Трус умирает тысячу раз, а храбрец — один раз»; «Стань овцой, волки найдутся»; «Смерти бояться — на свете не жить»; «Береги платье с нова, а честь смолоду»; «Жертвуя головой, а не честью»; «Не хвались, в бой идучи, а хвались с боя»; «Где враг слабей — туда и бей»; «Не жди врага, а ищи и бей его».

Некоторые пословицы выражают ироническое отношение к условиям жизни солдата: «Ничто солдату и без шубы деется: идет да греется»; «Русский солдат куда бы ни пришел, все дома»; «Коли у русского солдата поясница поразомнется, да ноги размотаются, так только держись подметки»; «Служивый что муха: где щель, там и постель, где забор, там и двор».

У русского народа имелись поговорки, кратко формулировавшие основные требования военной службы: «Стой не шттайся, ходи не спотыкайся, говори не заикайся, ври не завирайся; коленей не подгибай, да брюхо не выставляй, да не относи заду, тянись да прямись, а в бок не задавайся».

Пословица рассказывала о наказаниях, которые ожидали солдат за плохое усвоение этих правил: «Не дошагнешь — бьют, пе-

¹ Бедственное положение «Великой армии» при отступлении от Москвы отразилось в нескольких пословицах и крылатых выражениях. Так, некоторые исследователи слово «шарамыга» производят от французского «Cher ami» — «дорогой», «когда голодные французы протягивали руки, прося о помощи своим обычным ласковым приветом...» (Максимов С. Крылатые слова. Спб., 1899, с. 33).

² «Неопален» — по зозвучию с именем Наполеон.

решагнешь — бьют, не довернешься — бьют, перевернешься — бьют»¹.

О ловкости и находчивости, развившейся у солдат, говорят поговорки: «Где коза прошла, там и солдат пройдет»; «Солдата на войне и каша греет»; «Солдат на пригоршне напьется, на ладони пообедает».

Имеются пословицы, применительные к ратной жизни: «Один в поле не воин»; «Не хвались, едучи на рать»; «Смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать»; «Отвага — половина спасенья, иди вперед — лучше страх не возьмет»; «Не та пуля страшна, что летит, а та, что в дуле сидит»²; «Бей редко, да метко»; «Всегда бей, никогда не отбивайся» (М. Драгомиров); «Быстрота и натиск — душа победы»; «Врагов не считают — их бьют»; «Вразnobой не ходят в бой»; «В бою нет смены, есть только поддержка»; «Бой вымучит, да бой и выучит»; «Бой — не пожар: не туши, а разжигай»; «В бою на авось действовать брось, бей врага на верняка»; «В бою будь смел — останешься цел»; «В бою побываешь — цену жизни узнаешь»; «Не силой борятся, а уменьем»; «Кто боится — наполовину побит»; «Врагов бояться — на земле не быть»; «Кто в море побывал, тот лужи не боится»; «Солдатское братство рождается в бою»; «Один битый двух небитых стоит»; «Верно служишь — ни о чем не тужишь»; «Винтовку, ноги да сухари пуще глаза береги»; «Для победы первое дело — воевать умел»; «Война всему проверка»; «Война всех метит: шрамом — военных, морщиной — гражданских»; «Важно не крепость взять, а войну выиграть» (М. Кутузов); «Храбрый не тот, кто страха не знает, а кто узнал и навстречу ему идет»; «Сам впереди иди и другого за собой веди»; «Лучше ползти, но вперед, чем бежать, да назад»; «Чем сильнее враг, тем крепче держи кулак»; «На авось врага не одолеешь»; «Врага не бить — живу не быть, считай врагов не убитых, а недобитых»; «С другом по-братски, с врагом — по-солдатски»; «Враг — лев, если смотреть на него глазами зайца»; «Время на войне дороже вдвойне»; «Вовремя начать бой — наполовину выиграть»; «Выигрыш во времени — победа»; «Герой в бою думает не о смерти, а о победе»; «Двум

¹ Гневной инвективой по поводу тяжелого положения солдата в русской армии является стихотворение Ивана Макарова «Солдатская жизнь». Некоторые строки этого стихотворения стали поговорками. Автор его, бывший воспитанник Московской духовной академии, стал grenadierom Измайловского полка. Приведем несколько строк: «Я отечеству защита — А спина моя избита, Я отечеству ограда — В тычках, палках — вся награда. Кто солдата больше бьет, Тот чины здесь достает... О, солдат! Ты горемыка, Хуже лапотного лыка. Твоей жизни хуже нет. Про то знает и весь свет. Тебя дуют, тебя бьют, Так как полосу куют. И собаку чтут дороже! Палкой бьют тебя по роже. Разбивают глаза, губы. Не забудут тут и зубы...» (Лит. наследство. М., 1933, № 9—10, с. 144).

² Русскую пехоту учили доводить ружейный огонь до наибольшей интенсивности, только по сближении с противником на короткую дистанцию. В Бородинском сражении французская кавалерия пошла в атаку на русских grenadier, однако при виде пехотных каре, стоявших спокойно с ружьем у ноги, всадники были озадачены, постепенно замедлили аллюр, а потом повернули назад.

смертям не бывать, а одной не миновать»; «Герой за славой не гонится»; «Надо в оба глядеть, чтоб врага разглядеть»; «Дисциплина — мать победы» (А. Суворов); «Солдатская дружба помогает службе»; «Живи для людей, а не для себя»; «Солдату честь дороже жизни»; «Храбр после рати, как залез на полати»; «Эка воин — сидит под кустом да воет»; «Солдат в беде не плачет».

Пословицы рассказывают о том, какое большое значение имел в жизни воина конь: «Конь не выдаст, и смерть не возьмет»; «Добрый конь из воды вытащит, из огня вынесет».

О том, что за войну расплачивается главным образом трудовой народ, сложены пословицы: «Кто силен да богат, тому хорошо воевать». О народном восстании говорит пословица: «Мужик гол, а в руках у него кол».

О мирных устремлениях народа свидетельствуют пословицы: «Войной да огнем не шути»; «Всякая война от супостата»; «Легко про войну слышать, да не дай бог ее видеть»; «Хороша война за горами».

Много новых воинских пословиц и поговорок было создано во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Герой Советского Союза генерал-майор И. В. Панфилов говорил: «Осткое слово и острый штык в смелой атаке помогают друг другу». Пословицы и поговорки имели большое значение в воспитании воинов.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов старые и новые пословицы и поговорки использовались в концертной деятельности артистических и самодеятельных коллективов, в газетах, журналах, «боевых листках», стенных газетах. Пословицы публиковались в специальных выпусках «Пресс-бюро», «Блокноте агитатора Красной Армии», в «Спутнике агитатора», журнале «Пограничник», в книжках «Творчество фронтовиков» и других изданиях. В одной из листовок, например, говорилось: «Гвардеец! Запомни солдатские поговорки: «Смелости учись у разведчика, осторожности — у сапера»; «Снайпера узнают по выстрелу, разведчика — по «языку»; «Сmekалистый силен вдвойне, он побеждает на войне»; «Разведчику нужна сноровка, увертка, хитрость, маскировка».

Изречения народной мудрости представляют готовую формулу нравственного поведения, выражают выработанные коллективом представления о возвышенном и низменном, о том, к чему должен стремиться человек и чего избегать. Они сопровождают людей во всех случаях жизни. В пословицах отразились черты характера народа: свободолюбие, решительность, упорство в достижении цели, несгибаемость воли, любовь к родной земле, ненависть к угнетателям.

Процесс создания пословиц и поговорок продолжается и сейчас и будет происходить вечно, пока жив человек, в отличие от некоторых других жанров фольклора, которые либо исчезают, либо уже исчезли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русское народно-поэтическое творчество не только отражало действительность, но и выражало думы и надежды народа. Оно утверждало, что главным в жизни наряду с трудом является любовь к родной земле, к тем людям, с которыми человек жил и работал. Человек должен противостоять злу и бороться за свободу своего народа.

Самый ранний этап этой борьбы запечатлен в богатырском эпосе. В то время русским пришлось вести грандиозные битвы с полудикими ордами кочевников на восточных рубежах нашей земли и с рыцарями — на западных. Это историческое единоборство было долгим и страшным. Эпос отразил его в гиперболических и фантастических образах; победа завоевывается колоссальным напряжением всех сил народа. Исход борьбы в значительной мере зависит от нравственных целей: враги, как правило, стремятся к насилию и грабежу, русские богатыри, наоборот, одухотворены высокими идеями защиты родины, гуманистическими принципами освобождения людей. Основное свойство русского воина — это верность долгу защитника родины, беззаветная любовь к родной земле¹. Творцом победы в народном сознании являлся сам

¹ Добрыня Никитич, например, говорит: «Ишшо каждому человеку дорого отечество» (Былины М. С. Крюковой. М., 1939, т. 1, с. 442); Алеша Попович отвечает врагам:

Своя родина-то каждому милей всего.
Не сменяется никто на красно золото,
Не сменяется никто на чисто серебро.

(Былины М. С. Крюковой. М., 1939, т. 1, с. 317.)

народ, а не отдельная личность. Любимых героев фольклор неизменно показывает близкими народу, понимающими его интересы. Иногда в герое сочетаются качества не только отважного воина, искусного руководителя войска, но и труженика-землемельца.

Народно-поэтическое искусство широко использовалось лучшими писателями и само в свою очередь обогащалось их творчеством. Одним из первых, кто обратился к народно-поэтическим мотивам, был А. Н. Радищев. Он был убежден, что народная песня выявляет «образование души нашего народа», знакомит с его характером.

Широко воспользовался богатством русского народно-поэтического искусства в изображении военной героики Пушкин.

В «Песне о вещем Олеге» излагается предание, взятое из Лаврентьевской летописи. В поэме «Полтава» в трактовке образа Петра I, в картине Полтавской битвы чувствуется влияние исторических русских и украинских народных песен¹. Пушкин собирался специально писать о воинских песнях петровского времени, в частности о стрелецких песнях начала XVIII века. В связи с созданием «Истории Пугачева» поэта привлекли казацкие песни, с изучением Семилетней войны — песни о Ферморе и Суворове. В «Песнях западных славян», проникнутых призывами к борьбе, Пушкин применяет традиции славянской народной поэзии. Народно-поэтические предания раскрыли Пушкину образы Разина и Пугачева.

С большим вниманием относился к фольклору Лермонтов. В «Песне про купца Калашникова...» он воспользовался поэтическими образами и структурой русских исторических песен; стихотворение «Бородино» написано в форме «народного сказа». В нем не только народный образ старика солдата — «дяди», но и многие народные речения («у наших ушки на макушке»; «французы тут как тут»; «пойдем ломить стеною» и т. п.). Многими своими произведениями Лермонтов, по словам Белинского, «вошел в царство народности, как ее полный властелин, и проникнувшись ее духом, сливвшись с нею, он показал только свое родство с нею...»².

Русским и украинским воинским фольклором пропитаны многие произведения Гоголя. В «Тарасе Бульбе», в изображении битвы под Дубно, Гоголь творчески использовал поэтическую образность и стиль украинских песен. Казаки у Гоголя — сильные героические характеры, они мужественно переносят тяжелые испы-

¹ В поэме создан и образ народного украинского певца:

Слепой украинский певец
Когда в седе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.

² Белинский В. Г. Собр. соч. М. — Л., т. IV, с. 517.

тания, несчастья. Попав в беду, казак действует в соответствии с неписанными требованиями, выраженными в фольклоре, Он не боится смерти, потому что целиком растворен в народе, живет с ним одной жизнью. Близок к фольклорному образ Тарас; он представляется в обычной жизни неким простаком и только в ответственный момент проявляет свою сущность. Как в герое фольклорных произведений, комическое сочетается в нем с трагическим, нежность с грубостью, прямолинейность с лукавством. Близок к песенному фольклору образ матери Остапа и Андрия. К народной поэтике восходят многие образы «Тараса Бульбы» (например, «Снопами валятся ляхи»), сравнение пролитой человеческой крови с рекой, битвы с пиром, действий казаков с нападением орла или ястреба. Все это идет от эпоса, от воинской песни.

Фольклорным материалом насыщены произведения Некрасова, особенно те, которые посвящены крестьянам и солдатам (сказовый стих, лексика, синтаксис, многие художественные образы). Сочинения великого революционного поэта-демократа содержат народные воинские песни, причитания, пословицы, сказки.

Широко использовал великие достижения русского народно-поэтического творчества Л. Н. Толстой. Будучи военным, Л. Н. Толстой хорошо знал солдатский фольклор. Образы солдат и офицеров в его рассказах и романах исполнены скромности и внутреннего величия, они сродни героям эпоса, исторических песен и сказок.

В произведениях фольклора этой поры выражалась гордость за боевую славу наших предков, содержались призывы оказаться достойными этой славы, «не посрамить земли Русской» и изгнать оккупантов. К традиционным образам героя старого фольклора — солдата — защитника родины привились образы народного мстителя — партизана, девушки в шинели, советских людей, оказавшихся на чужбине, в неволе, матери-патриотки, женщины-работницы, верной и любимой жены. Всех этих героев отличает чувство взаимной выручки, товарищества, преданности Родине. В отличие от старого фольклора в произведениях народно-поэтического искусства Великой Отечественной войны 1941—1945 годов нет пессимизма. Трагическое лишено в них фатальной неизбежности. Нет пассивной жертвенности. Герои — активные борцы за свое, за общее счастье. Русскому фольклору чужда национальная узость. Чувство гнева вызывают в нем угнетатели любого народа и, наоборот, сострадание и отзывчивость — все, кто оказался в беде и нуждается в помощи.

Фольклорным наследием широко пользуются советские писатели и поэты. Приведем только один пример. Великую традицию литературы и фольклора в изображении русского воина, ставшего на защиту родной земли, продолжил А. Т. Твардовский в книге «Василий Теркин». Поэт постоянно говорит о связи своего героя и его товарищей с теми русскими воинами, которые на протяжении нескольких столетий обороныли Родину:

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.

Внешне Теркин близок к героям русского фольклора; он неприметен, однако обладает большой нравственной силой: «...Красотою наделен Не был он отменной», «Не высок, не то чтоб мал...», «И пускай ты даже ростом И плечами всего не взял...». Наоборот, враг обладает большой физической силой:

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко сшит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит...
Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи...

Подобно героям русского фольклора, Теркин деликатен в обращении. Прежде чем войти в чужой дом, он считает, что нужно попросить об этом разрешения хозяев, скинуть шапку. Герой спрашивает немца:

Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спрося, не скинув шапки
И не вытерши сапог?

Богатыри — герои русских былин и солдаты — герои русских сказок ведут себя вежливо, учтиво, при встрече «здравствуются», войдя в помещение, кланяются. Голодный Теркин заходит в избу, «словно чем-то виноватый», он «...просил сперва водички, А потом просил поесть»; за угощение благодарили хозяев: «И как долг велит в дому, Поклонился и старухе. И солдату самому...». Теркин во всем соблюдает меру, ест «много, но не жадно», жадность, невоздержанность в еде считается в русском фольклоре пороком. Подобно герою русских сказок — солдату, Теркин в главе «Два солдата» предлагает старухе помочь «жарить сало». Как и герои фольклора, он нетороплив в принятии решений и в разговоре.

Произведения фольклора и древнерусской литературы часто рассказывали о единоборстве русских воинов с врагами. Исход поединка предрешал исход всего сражения. Рассказ о единоборстве Теркина с немцем в поэме тоже имеет как бы символическое значение для всей книги:

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит,—
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

Советский солдат одолел фашиста, несмотря на то что немец использовал в поединке коварный прием — удар каской.

В «Книге про бойца» использованы многие виды фольклора. Твардовский писал: «К примеру вспомнить, как складывалось

начало главы «Смерть и воин», в стихотворном смысле «образованное» из строчек старинной песни о солдате:

Ты не вейся, черный ворон,
Над мою головой,
Ты добычи не дождешься,
Я солдат еще живой...

Четверостишие: — И солдат мой поседелый, Коль останется живой, Вспомнит: то-то было дело, Как сражались под Москвой... близко к солдатской песни «Дело было под Полтавой». В главе «Бой в болоте» пародируется припев солдатской песни «Горе не беда» и «Мы всех врагов побьем — столовой ложкой». В главе «Наступление» Твардовский использует легенду о воине, получившем в бою смертельную рану и на вопрос товарищей, ранен ли он, ответившем, что он убит («Вперед ребята! Я не ранен. Я — убит!»). Заметим, что этот сюжет вспомнил и Л. Н. Толстой, вложив его в уста офицера Калугина в «Севастопольских рассказах».

Некоторые поэтические образы и приемы взяты Твардовским из фольклора — таково, например, выражение земля-матушка, сравнение солдата с ясным соколом.

Народное поэтическое искусство и в наше время помогает формировать характер человека, внушиает оптимизм и веру в неисчерпаемые силы русского народа.

Александр Иванович Кузьмин

ВОЕННАЯ ГЕРОИКА В РУССКОМ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Редактор С. Г. Безрукова

Художник А. Ю. Никулин

Художественный редактор Н. М. Ременикова

Технический редактор Е. В. Кузьмина

Корректор К. А. Иванова

ИБ № 3641

Сдано в набор 09.09.80. Подписано к печати 18.03.81. А07300. 60×90¹/14

Бум. тип. № 2. Гарн. Академическая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 6,41. Тираж 100 000.

Заказ № 303. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение»
Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Росглагполиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Смоленск-20, ул. Смольянинова, 1.

ε